ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 5 (3034) Суббота, 10 января 1953 г. Цена 40 коп.

Дорога наша— верная

Дружба, братское сотрудничество и взаимопомощь, вдохновляемые искренним стремлением помочь друг другу и добиться общего экономического подъема, царят в лагере мира и демократии, возглавляемом Советским Союзом.

Военная истерия и гонка вооружений, грызня и противоречия между Соединенными Штатами Америки и их младшими партнерами царят в лагере империалистов.

Волчьи законы правят миром реакции. Согласно этим законам монополисты США используют угодливую политику правителей Англии, Франции и других капиталистических стран, чтобы все глубже внедряться в их экономику, милитаризировать ее, отобрать у них рынки сбыта, воспрепятствовать торговле со странами демократического лагеря.

Таким способом янки расшатали, например, хозяйство некогда мировой державы Англии, а теперь они откровенно говорят, что Англия переживает процесс экономического разорения и вряд ли сможет играть важную роль в международных отношениях. Островитяне огрызаются. «Надо заставить американцев понять,— заявил лейбористский член парламента Вудро Уайатт,— что с Англией далеко не покончено и что союз — это содружество». Но кому не ясно это «содружество» седока с лошадью, впряженной в колесницу агрессивного Атлантического пакта.

Громадные военные расходы Англии, сумма которых ныне превышает в восемь с лишним раз цифру 1937/38 бюджетного года, приносят военные прибыли английским монополиям. Но военные авантюры отнюдь не открывают перед идеологами экономики крови и разрушений выхода из хозяйственных и политических противоречий.

Производительные силы капитализма, подтачиваемые кризисами, однобоким развитием отраслей производства, работающих на войну, топчутся на месте. В Англии уровень промышленного производства упал в последние месяцы на 10 процентов. Все более свертывается производство средств потребления. Растет безработица, падает жизненный уровень народа. Жизнь простого человека в Англии невыносимо тяжела. Он получает по карточкам мизерную порцию основных продуктов питания, нормы выдачи которых продолжают снижаться. Не так давно министерство продовольствия сообщило англичанам о снижении норм выдачи маргарина.

Положение в Англии в той или иной мере типично для всех капиталистических стран, попавших в тиски «содружества» с Уолл-стритом. В борьбе за источники сырья и ограбление народов других стран, которая происходит в условиях все большего сужения мирового капиталистического рынка, непрерывно обостряется грызня в лагере империализма, все с большей обнаженностью действует волчий закон капитализма, запутавшегося в непримиримых противоречиях.

А в это время свободные народы во главе с Советским Союзом, последовательно и мужественно проводя политику мира, отстаивая мирный труд, укрепляют дружественное хозяйственное сотрудничество, идут вперед по пути непрерывного подъема экономики, развивающейся в интересах трудящихся.

Многомиллионная семья народов демократического лагеря скрепила узы братства с Советским Союзом договорами о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, установила в своей среде экономические и политические отношения совершенно нового типа, доселе не известного нигде в мире. Эти отношения основаны на равноправии, полном взаимном доверии и бескорыстной дружбе. Между странами демократического лагеря заключены долгосрочные торговые соглашения. Поставки новейших советских машин и оборудования в страны народной демократии увеличились в прошлом году по сравнению с 1948 годом в десять раз.

Нет такой области хозяйства и культуры народно-демократических стран, на которую бы не оказывали благотворного влияния братская помощь Советского Союза, передовой советский опыт. Никогда еще до нашего времени мир не видел таких бескорыстных, братских, исполненных интернационального долга взаимоотношений между людьми!

Страны лагеря мира, демократии и социализма идут вперед такими темпами, какие не снятся ни одной капиталистической стране, в том числе и США.

Известно, что Советский Союз, увеличив в 1951 году объем промышленного производства почти в 13 раз по отношению к 1929 году, имеет за последние два года среднегодовой темп прироста валовой продукции промышленности свыше 14 процентов. Тяжело пострадавшие от войны страны народной демократии не только залечили раны, но и давно превзошли довоенный уровень. В 1951 году он был выше довоенного в 1,7 раза в Чехословакии, почти в три раза — в Польше, почти в два раза — в Румынии, в два с половиной раза — в Венгрии, в 4,6 раза — в Болгарии. В прожитом году эти страны, по предварительным данным, увеличили объем промышленного производства еще на 22—25 процентов. А Албания, имевшая в 1951 г. превышение довоенных показателей более чем в пять раз, к этому году сделала новый огромный шаг вперед и почти в восемь раз превзошла довоенный уровень производства промышленной продукции. Невиданные темпы набирают Китай и другие страны демократического лагеря.

«Можно с уверенностью сказать,— пишет товарищ Сталин в своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР»,— что при таких темпах развития промышленности скоро дело дойдет до того, что эти страны не только не будут нуждаться в завозе товаров из капиталистических стран, но сами почувствуют необходимость отпускать на сторону избыточные товары своего производства».

И в Советском Союзе и в народно-демократических странах за каждой цифрой новых хозяйственных успехов — живая душа основного экономического закона социализма, существенными чертами и требованиями которого является обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники. Дружественное хозяйственное сотрудничество, характерное для этих стран, обеспечивает, как отметил это на XIX съезде партии Г. М. Маленков, «систематическое повышение жизненного уровня народных масс и полную занятость рабочей силы».

О счастье народном говорит, например, жизнь Гань Юй-туна, рабочего одного из мукденских заводов. До народной власти он, ограбленный духовно, лишенный возможности учиться, влачил нищенский образ жизни полураба, ютился с семьей в маленькой грязной комнатушке, которой вскоре лишился. Теперь Гань Юй-тун имеет постоянную работу, живет в новой благоустроенной трехкомнатной квартире; стол его обилен; в гардеробе — новое платье; на этажерках — книги: он обучился грамоте; за его здоровьем следит заводская поликлиника; к его услугам лучшие санатории и дома отдыха страны.

О счастье и радости многое могли бы рассказать и венгерский шахтер Арпад Лой, и румынский токарь Николае Васу, любой трудящийся Болгарии, Чехословакии, Польши, Албании, Германской Демократической Республики — все они с каждым годом живут лучше, веселее, ибо с каждым годом растет народное хозяйство их стран, с каждым годом все дальше, вперед идет дружная семья народов демократического лагеря по пути подъема материального и культурного уровня. Убедительно говорят об этой поступи, например, цифры неуклонного роста государственных расходов новой Польши на нужды народного просвещения, на охрану здоровья и организацию социального обеспечения. В 1950 году на эти цели было израсходовано 12,9 миллиарда злотых, в 1951 году — 13,7 миллиарда злотых, а в истекшем году — 15,6 миллиарда злотых.

Дружба с великим Советским Союзом, братское сотрудничество и взаимопомощь свободных народов открыли им широкий путь к новым и новым успехам, нанесли сокрушительный удар по проискам империалистической реакции, рассчитывавшей экономической блокадой воспрепятствовать их возрождению и развитию. Эта блокада обернулась против ее же зачинщиков. Мировой демократический рынок растет и укрепляется. Товарооборот между странами лагеря демократии и социализма вырос за последние четыре года более чем в три раза и продолжает непрерывно расширяться.

В бессильной ярости империалисты пытаются помешать дружбе народов, тщатся вырвать из возглавляемой СССР братской семьи свободные страны и бросить их под сапог монополий. С этой целью США и их младшие партнеры по агрессии засылают в страны социалистического лагеря свою шпионскую агентуру, копаются на зловонных свалках истории, вытаскивают оттуда самое гнусное отребье человечества и принимают его на свое содержание для шпионско-диверсионной службы, организуют и вдохновляют антинародные заговоры.

Но все эти происки врагов мира и демократии обречены на скандальный провал. Пражский судебный процесс антигосударственного заговорщического центра в Чехословакии еще раз показал, что трудящиеся народно-демократических стран во главе с коммунистическими и рабочими партиями бдительно охраняют завоевания трудящихся, что нет и не будет места на их земле американо-английским шпионам и диверсантам.

Семья свободных народов во главе с первой «Ударной бригадой» уверенно вступила в 1953 год. Решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, гениальный сталинский труд «Экономические проблемы социализма в СССР» и речь вождя на заключительном заседании съезда, как могучий прожектор, осветили путь вперед, воодушевили народы на новые подвиги в борьбе за мир и счастливую жизнь.

И сегодня с небывалой силой звучат пророческие ленинские слова: «Дорога наша — верная, ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны».

Памяти Н. А. Некрасова

8 января по всей стране отмечалось 75-летие со дня смерти великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова. Памятной дате были посвящены торжественные заседания, научные сессии, литературные вечера и читательские конференции, состоявшиеся в различных городах страны.

В Москве вечер памяти Н. А. Некрасова состоялся в Большом зале Государственной консерватории. Вступительное слово произнес поэт М. Исаковский. Доклад о жизни и творчестве великого русского поэта сделал главный редактор журнала «Звезда» В. Друзин.

Беседы и литературные вечера, посвященные памяти поэта, прошли в клубах и домах культуры Ленинграда. В Институте русской литературы Академии наук СССР состоялась некрасовская научная сессия. Вечер, посвященный 75-летию со дня смерти поэта, был организован в Доме писателя имени В. В. Маяковского. У могилы поэта, на Ново-Девичьем кладбище, состоялся траурный митинг. В одном из домов Дзержинского района Ленинграда находится избирательный участок № 35. Эта часть района связана с именем поэта. На стене старинного дома на Литейном проспекте укреплена мемориальная доска с надписью: **«Николай Алексеевич Некрасов жил 20 лет в этом доме и скончался 27 декабря 1877 года».** Квартира поэта стала мемориальным музеем. Отсюда начинается улица Некрасова. В агитпункте избирательного участка был устроен на днях некрасовский вечер для избирателей.

В Киевском педагогическом институте имени А. М. Горького происходила научная сессия, посвященная великому русскому поэту.

В Кишиневе, Фрунзе, Алма-Ате и Минске состоялись писательские вечера, посвященные 75-летию со дня смерти Н. А. Некрасова.

В связи с 75-летием со дня смерти Н. А. Некрасова вечера памяти великого русского поэта-демократа состоялись в Тбилиси, Ереване, Вильнюсе, Петрозаводске, Чите, Баку, Гомеле, Могилеве, Хабаровске, Ярославле и других городах страны.

К итогам поэтического года

В СЕКЦИИ ПОЭЗИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ушел 1952 год...

Обращаясь ко всему, что было создано советским народом в минувшем году, полезно подвести и некоторые итоги поэтического года.

Можно спорить о тех или иных удачах и неудачах, но то, что общие результаты поэтического года могли быть гораздо более значительными, — бесспорно.

Пора задуматься над тем, что наш читатель, который любит, понимает поэзию, ищет хорошие стихи, сейчас мало читает современных поэтов. Об этом говорят многочисленные письма в редакции газет и журналов. Автор одного из писем так жадно ждет новых хороших стихов, что и свое письмо изложил стихами, пусть наивными по форме, но искренними:

Поэты!
Мы —
ваших стихов читатели.
Мы их ценители,
почитатели.
Но часто
вы нам преподносите
брак.
Пусть это печально,
но это так...

К сожалению, это так. Может быть, один из самых серьезных недостатков нашей поэзии — ее слабая активность, недостаток боевого темперамента, горенья, наступательного духа. Поэт еще часто — регистратор событий, он отстает от них и видит только «спину» явления.

Вялость поэтической формы, бестемпераментность всегда идут рядом с отсутствием мысли. Когда поэту нечего сказать, он вдруг начинает задавать себе риторические вопросы, заранее зная, какие ответы должны за ними последовать.

Где я стою? У шлюза Волго-Дона.
А что перед собою вижу я?
Знакомые ростральные колонны,
Знакомых шпилей пики-острия.

И кажется: вода в канале синем
Шумит, как там, от этих мест вдали...
Знакомый шум: ведь с Балтики отныне
На Волго-Дон приходят корабли!

Это — стихотворение Бронислава Кежуна «Знакомый шум» («Звезда, № 12. 1952 г.). Что отныне с Балтики приходят корабли на Волго-Дон, — это верно. Но для того, чтобы сказать только это, не нужно быть поэтом. Подобная констатация известных вещей без серьезной попытки поэтически осмыслить и раскрыть сущность увиденного свойственна многим стихам последнего времени.

В «Послании пролетарским поэтам» Владимир Маяковский призывал

работать
до седьмого пота
над поднятием количества,
над улучшением качества.

Эту двуединую формулу многие наши поэты восприняли односторонне: с количественной стороной у них дело обстоит благополучно, здесь пота не жалеют, а вот с качеством — хуже.

«Образовался недопустимый разрыв между количеством появляющихся стихов и их качеством»,—пишет Степан Щипачев в статье «За высокую поэзию» («Правда», 13 декабря 1952 г.). Статья привлекла внимание общественности к тем серьезным недостаткам, которые мешают дальнейшему росту советской поэзии, тормозят ее развитие.

Поэтический год в целом был мало удачным. А как работала секция поэтов, которая является не только организационным, но прежде всего творческим объединением, призванным активизировать работу поэтов, серьезно обсуждать произведения, готовящиеся к печати, способствовать широкому обмену писательским опытом, повышению идейного уровня, росту художественного мастерства поэзии? Что сделано секцией на протяжении этого года?

На первый взгляд работа велась довольно активно. Обсуждались произведения А. Суркова (цикл «Шаги времени»), Н. Грибачева (стихи о Кавказе), Я. Хелемского («Комсомольская повесть»), В. Тушновой (поэма «Дорога на Клухор»), Е. Шевелевой (поэма «От имени женщин»), Е. Долматовского (поэма «В суровый час»), В. Журавлева (поэма «Вторая встреча»), С. Наровчатова (книга стихов «Солдаты свободы»), В. Бершадского (книга стихов «Вымпел мира») и других поэтов.

Однако ощутимых творческих результатов многие из этих обсуждений не дали.

Некоторые поэты стараются вообще «обойти» секцию, не выносят своих произведений на товарищеское обсуждение. Но бывает и так: поэт предложит оценить его произведение, а секция подходит к этому формально. Так получилось с кавказским циклом Н. Грибачева, от обсуждения которого большинство поэтов уклонилось.

На обсуждениях часто не хватает еще должной прямоты, искренности, сильно дает себя знать стремление к захваливанию произведений, взаимному прощению поэтических грехов.

На одном из собраний секции шла речь о новой поэме В. Журавлева «Вторая встреча», посвященной стройкам коммунизма («Октябрь», № 12 за минувший год). Это произведение молодого поэта. Оно требует внимательного отношения, разбора в печати. Автор не справился с формой поэмы, вместо поэмы у него получилось скорее большое стихотворение с отдельными удачными местами. Однако выступавшие явно преувеличивали достоинства поэмы, захваливали ее. Пользы автору это не приносит.

На общем фоне выделяются заседание секции поэтов и открытое партийное собрание секции, посвященные обсуждению статьи Степана Щипачева «За высокую поэзию» и некоторых вопросов мастерства на материале минувшего поэтического года.

Что отличает эти два связанных между собой обсуждения от многих прошлых заседаний секции поэтов? Прежде всего дух требовательности друг к другу, откровенный разговор об отставании поэзии, отсутствие оглядки на «имена» и «положение».

Сергей Смирнов показал, что отсутствие взыскательности и редакторской требовательности привело к разбуханию книги Е. Долматовского «Сталинградские стихи». В ней помещено около 50 стихотворений, но только 8—9 из них можно назвать вполне удавшимися, хорошими; «Море придет», «Медаль за форсирование Янцзы», «Делегация немецких женщин» и некоторые другие. Правильней было бы издать книгу меньшего объема, состоящую из наиболее удавшихся поэту стихотворений, и при этом издать ее бóльшим тиражом.

Упоминая об этом выступлении С. Смирнова, следует сказать о том, что не проявил требовательности к себе и Л. Ошанин, автор стихов «Сталинград — Берлин», напечатанных в журнале «Звезда» № 9 за прошлый год. Здесь наряду с такими сильными стихами, как, например, «Начальник района прощается с нами», «Веря в завтрашний день», много поверхностных, слабых, мало интересных стихотворений. На секретариате Союза писателей, обсуждавшем очередные номера журналов, эта подборка стихов Л. Ошанина была подвергнута резкой критике. Но секция не обсуждала стихов до их появления в печати.

Сергей Васильев привел примеры слабой писательской взыскательности — «Девичья песня» А. Суркова («Огонек», № 44 за минувший год) и «Черноморская песенка» С. Михалкова («Советский моряк», № 5).

— Молодые поэты в первую очередь подражают «образцам»,— сказал он.— Об этом нельзя забывать. Вот С. Михалков пишет:

В небе звездочка мерцает
И не гаснет под водой.
А на палубе мечтает
Черноморец молодой...
и т. д.

А мне вспоминается частушка:

С неба звездочка упала,
Села на нос петуху,
Петуху обидно стало.
Он запел «ку-ка-реку».

Михалков не должен так относиться к своему творчеству.

Многие выступавшие отмечали описательность ряда стихов, циклов, поэм. В сущности, этот недостаток связан с «теорией» бесконфликтности, обрекавшей художника на изображение жизни, как чего-то застывшего, готового, неизменного. В поэтической практике это выражалось в том, что автора интересовал не процесс развития, созидания, рождения нового, а конечные результаты. Отсюда — статичность образа, которую не спасут ни тщательность описаний, ни отдельные удачные детали.

Лев Ошанин в развернутом докладе, основанном на конкретном материале произведений прошлого года, показал, что глубокое понимание типического несовместимо с пассивно-регистраторским отражением жизни.

По его мнению, описательностью грешит последний цикл М. Алигер «Ленинские горы» («Знамя», № 11, 1952 г.). Автор упорно обходит острые ситуации. Все, начиная от сооружения главного корпуса до водружения звезды, совершается необычайно просто, без преодоления каких-либо серьезных трудностей.

Нередко, когда речь заходит о молодом поэте, критик не боится прямых и резких формулировок. Но когда перед ним произведение маститого поэта, тут сразу его одолевает робость, он слóва не может вымолвить без смягчающей оговорки. От руководителей Союза писателей во многом зависит, будут ли созданы действительные условия для требовательной и безбоязненной критики, критики, невзирая на лица. Это справедливо отмечали многие выступавшие.

«Теория» бесконфликтности нанесла большой вред нашей поэзии. Отдельные отголоски этой теории можно было услышать и в некоторых выступлениях поэтов. На обсуждении говорилось, например, о том, что во время войны писать было, дескать, «легче», так как существовал открытый конфликт всего народа с врагом, а сейчас, мол, конфликты с трудом обнаруживаются и т. д. В послевоенное время появились и такие поэты,— правда, это были одиночки,— которые прямо призывали, подобно герою сатирического стихотворения Маяковского, «отдохнуть у тихой речки». Стоит предостеречь таких поэтов словами самого Маяковского:

Это где же
вы,
Молчанов,
небосвод
узрели
мирный?

Теория «мирной», «благополучной» поэзии укоренилась и в лирике. От автора лирических стихов начали требовать, чтобы он был всегда одинаково бодрым, обязательно веселым, малейшее раздумье немедленно квалифицировалось, как «пессимизм». Положительный герой, говорила О. Берггольц, переходит из стихотворения в стихотворение в одном и том же душевном состоянии. Он не развивается, ни с кем не спорит, ни в чем не испытывает трудностей. Большинству стихотворений одного и того же лирика сопутствует одна неизменная интонация. Мы видим на примере Маяковского, какие громадные социальные проблемы могут решаться в так называемой «любовной лирике». Я прочитала недавно драматическую поэму Назыма Хикмета «Легенда о любви». Стало обидно: почему по некоторым стихам можно составить себе ложное представление, что только сказочным героям «позволено» любить, ревновать, совершать чудесные поступки? Почему иные критики пытаются лишить права на эти чувства экскаваторщика?

О. Берггольц упрекнула современных лириков в «самобоязни», в боязни выразить всю сложность, неповторимое своеобразие лирического характера.

Неправы были товарищи, усмотревшие в этих словах какую-то тайную опасность индивидуализма, эгоцентризма, субъективизма и т. п. В этих возражениях сквозила тенденция отделить личность поэта от изображаемой им действительности. Получалось, что лирик не должен раскрывать себя, он — лишь рупор времени. Но эти две стороны друг от друга отделять невозможно. Наш поэт рассказывает о времени и о себе.

Молодой поэт Е. Евтушенко критиковал Н. Грибачева за то, что поэт нередко воспроизводит чужие интонации, пользуется образами, эпитетами, не раз бывшими в употреблении. Это и есть та «самобоязнь», о которой говорила О. Берггольц. Надо сказать, что ошибка эта свойственна не одному Н. Грибачеву. Ханжеская критика немало «поработала», убеждая поэтов в том, что в лирике поэт должен изображать «не себя», а только «современников».

— Критика требует от нас изображения человека в поэзии, — сказала М. Алигер. — Мы знаем, что в лирике есть прекрасные образцы портретов в стихах, напомню хотя бы одно лермонтовское «Бородино». Но наряду с этим мне хочется спросить иных критиков: как они считают — в стихотворении Лермонтова «Парус» есть образ человека или это стихотворение про парус? Я думаю, что в этом стихотворении есть человек; это человек значительный, человек своего времени, своего народа, человек с большой, мятежной судьбой. А в стихотворении всего 12 строк, и называется оно «Парус». Есть ли человек в стихотворении Пушкина «На холмах Грузии...» или это стихотворение о холмах?

Верно сказала М. Алигер о некоторых поэтах, которые, написав цикл лирических стихов и заранее предвидя упреки критиков, думают: дай-ка я добавлю сюда радиста, тракториста, и мне не скажут, что у меня нет человека.

Нам нужны поэтические портреты современников, но портрет без характера становится штампом. Аспирант Литературного института В. Дементьев говорил о ходячих, стандартных образах; по страницам многих сборников кочуют агроном, который обязательно выходит в поле и разминает землю в руке, кузнец, который весной за околицей «кует что-то железное», тут и мальчик-ремесленник, он обтачивает свою первую деталь, а сзади него стоит мастер с усами и вдохновляет его на подвиг. А уж колхозных стариков-балагуров сколько угодно! Подобные стихи можно сочинять, не выходя из квартиры.

Показательно, что конкретное обсуждение вопросов поэтического мастерства заставило участников обратиться к опыту лучшего, талантливейшего нашего поэта Владимира Маяковского. О поэтическом мастерстве Маяковского говорили в своих выступлениях В. Инбер, О. Берггольц, Н. Доризо, В. Захарченко и другие.

В минувшем году в поэзии появились новые имена. Но и в этом отношении итог поэтического года был бы значительней, если бы наши опытные поэты щедрее делились своим творческим опытом с молодыми. И. Бауков упрекнул руководителей поэтической секции в том, что они проявляют незаинтересованность к судьбам молодых начинающих поэтов. Но эта верная мысль потонула среди мелочных обвинений, обид, упреков, которыми изобиловало его выступление.

В ряде выступлений говорилось о том, что наше время диктует все более высокие требования к поэзии. «Получилось парадоксальное положение, — сказал М. Светлов. — Мы от читателя можем узнать больше, чем он от нас, а ведь мы — инженеры человеческих душ!». Интересным было выступление В. Захарченко, рассказавшего о своих путевых встречах с читателем во время поездки в Кара-Кумы. «Люди, с которыми мне привелось встретиться, жадно набрасывались на новые стихи и оставались недовольными, иногда даже негодовали. Нет еще у нас в поэзии подлинной широты, богатства, многообразия чувств».

Общее настроение участников выразил С. Щипачев, сказав, что обсуждение носило деловой характер, что это был настоящий, прямой, мужественный разговор, а не салонное расшаркивание друг перед другом и раздача лавровых венков.

Это верно. Однако это еще только начало той большой работы, которая предстоит. Надо повысить уровень анализа произведений на секции поэтов — так, чтобы каждый раз на конкретном примере ставить назревшие вопросы развития поэзии, а не ограничиваться лишь поочередным разбором книг, циклов, поэм. Обсуждения должны являться реальным материалом для выступлений в печати, для сборников статей о поэтическом мастерстве. Нужны такие обсуждения, которые бы действительно двигали нашу поэзию вперед.

Читатель ждет крылатого слова, настоящей поэзии, которая не уходит в прошлое вместе с минувшим календарным годом, а остается с народом, помогая ему жить.

„Под сенью Академии художеств"

Озаглавленная так статья В. Сухаревича («Литературная газета» от 5 декабря 1952 г.) критиковала работу Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР.

Президиум Академии художеств, возглавляемый А. М. Герасимовым, не счел нужным откликнуться на статью. Она обсуждалась на общем собрании сотрудников института. Решение этого собрания, полученное редакцией, лишь снова свидетельствует о том, что в институте царит атмосфера беспринципности, боязни критики.

В статье была подробно рассказана неприглядная история обсуждения порочной книжки сотрудника института В. Зименко «Советская портретная живопись». Руководство института, поддержанное президентом академии, приложило все усилия к тому, чтобы отстоять от справедливой критики эту книжку, изобилующую нигилистическими нападками на классическое художественное наследство, грубыми ошибками при изложении истории советского портрета. В решении собрания, обсуждавшего статью, мимоходом говорится о том, что обсуждение книги Зименко было «неправильно организовано». Однако о самой книге по существу, о ее пороках, в решении не сказано **ни слова.** Эта странная «забывчивость» не случайна. Выступавший на собрании секретарь парторганизации института В. Прытков рассуждал о достоинствах и положительных сторонах книги, которые-де есть в ней наряду с ошибками. Эти рассуждения прозвучали особенно странно после того, как сам же В. Зименко «объяснил» на собрании недостатки своей книги тем, что написал ее... за две недели, публично признавшись, таким образом, в халтурном отношении к работе на важную тему.

Формулировки присланного в редакцию решения собрания половинчаты, уклончивы, а местами искажают действительное положение вещей. В решении сообщается, например, что «за последние два года институтом было подготовлено пять учебников и учебных пособий». Однако при проверке выяснилось, что два крупнейших учебника — по истории русского и советского искусства — возвращены в институт на доработку, которая будет завершена еще нескоро. Почему же в резолюции собрания не говорится об этом прямо и честно, почему ее авторы хитрят, пишут неправду? Почему при тщательном перечислении тех немногочисленных работ, которые уже вышли в свет, ничего не сказано об их недостатках?

Все это оставляет впечатление недобросовестности, стремления увильнуть от критики, скрыть теневые стороны работы института. Особенно это очевидно в том пункте резолюции, где говорится:

«Общее собрание сотрудников института не считает возможным, однако, согласиться с утверждениями тов. Сухаревича о том, что в институте якобы воцарилась атмосфера семейственности, взаимного восхваления, нравы, далекие от идейной принципиальности...»

Надо отметить, что на собрании раздавались голоса против включения этого пункта в резолюцию, однако руководство института настояло на его принятии. Между тем далекие от идейной принципиальности нравы нередко проявляются в жизни института. История с обсуждением книги В. Зименко достаточно показательна в этом смысле. Можно привести и другие примеры. На собрании говорилось о том, что сотрудники института отдалены от других научно-исследовательских учреждений, от контроля общественного мнения. Работы сотрудников института крайне редко направляются на рецензирование вне стен института, и это приводит, например, к тому, что главы по истории искусства Китая предлагались на рецензию специалисту... по искусству Испании, только потому, что он работает в институте!

Боязнь критики в институте порою принимает анекдотические формы. На учебник истории русского искусства была в свое время получена рецензия (А. Лебедева), содержащая ряд серьезных критических замечаний. Руководители института настолько отвыкли от критики, что не решились прочесть полностью эту рецензию даже **членам Ученого совета,** ознакомив их лишь с теми выдержками, которые содержали положительные оценки.

Даже внутри института нет подлинного творческого общения научных работников. Сотрудники и аспиранты одного сектора часто не допускаются на заседания другого, созданные труды не обсуждаются.

Не удивительно, что в такой обстановке келейной замкнутости, оторванности от жизни, боязни критики и самокритики зарождаются и получают развитие всякого рода ошибочные теории. Такова «теория» об отсутствии в изобразительном искусстве прошлого положительных образов, исповедовавшаяся не одним В. Зименко. Таково стремление некоторых сотрудников института поднять на щит реакционное салонно-академическое направление в русском и зарубежном искусстве, реабилитировать импрессионизм и т. д.

Нет, неблагополучно обстоят дела в Научно-исследовательском институте теории и истории изобразительных искусств.

В коллективе института есть немало способных, честных людей. Но методы руководства работой института, сложившаяся в нем обстановка вызывают серьезную тревогу. Комитету по делам искусств СССР, в чьем ведении находится Академия художеств, необходимо принять решительные меры, чтобы направить деятельность института по верному пути.

Три выставки

В течение многих дней шли в Москву необычные грузы в тщательно упакованных посылках, багажных ящиках-контейнерах, товарными вагонами, самолетами. Из сотен городов страны слали в столицу свои полотна, гравюры, скульптуру, изделия художественных промыслов участники открытых накануне нового года двух выставок, которые привлекают сегодня тысячи посетителей.

Только для одной из них — Всесоюзной выставки изобразительного творчества детей — было получено свыше шести тысяч экспонатов. Из них отобраны 850. Эти произведения детей, начиная с шестилетнего возраста, украшают залы оргкомитета Союза советских художников СССР.

Многие тысячи работ просмотрело жюри, отбиравшее экспонаты для Всесоюзной художественной выставки 1952 года. То, что видят сегодня москвичи в залах Третьяковской галереи,— это лучшее из созданного художниками за истекший год.

Всего в 19 залах Третьяковской галереи показано свыше семисот новых работ: монументальные полотна, жанровые картины, пейзажи, натюрморты, карикатуры, иллюстрации к книгам, изделия мастеров Мстеры, Палеха, фарфор Дулевской и других фабрик. В течение первой недели выставку посетило свыше 40.000 человек.

В залах Академии художеств СССР экспонировано свыше 140 работ певца русской природы, старейшего советского живописца В. Бакшеева, в связи с девяностолетием со дня его рождения. Это первая художественная выставка, открытая в 1953 году.

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

В ОДНОЙ ОБЛАСТИ

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды... идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», — писал В. И. Ленин. Это было более тридцати лет назад.

А сорок лет назад сюда, в глухие северные леса, ссылали русских революционеров. Об этом рассказывают документы и экспозиции одиннадцати музеев области. Особенно дорог советским людям дом-музей в Сольвычегодске — в этом городке в 1909, а потом в 1910—1911 годах жил в ссылке товарищ Сталин. Здесь было написано его знаменитое «Письмо в ЦК партии из сольвычегодской ссылки»...

Северное Поморье издавна славится мореходами и землепроходцами. С Архангельском связаны имена Ерофея Хабарова и Степана Глотова, полярных исследователей Пахтусова и Русанова, прославленные арктические рейсы «Святого Фоки» и «Сибирякова». Отважные моряки-поморы много веков назад ходили на легких суденышках до самого Груманта (Шпицберген). В Архангельске, в Северном отделе Географического общества СССР, изучаются недавно найденные старинные рукописные поморские лоции, говорящие о высоком развитии русского мореплавания в те далекие времена.

Центр области — Архангельск. Город недаром называют «всесоюзной лесопилкой». Здесь пилят лес, здесь же готовят и кадры для лесной промышленности. Архангельский лесотехнический институт — крупный научный центр. Сейчас в институте разрабатывается 45 научных тем, связанных с производством. Работники производства приезжают в институт — недавно здесь читал лекцию студентам один из лучших рамщиков области Б. Волков. В институтской библиотеке большим спросом пользуются брошюры мастеров-новаторов А. Ульяновского и Н. Песочного.

В Архангельской области на огромной территории разбросаны тысячи леспромхозов, лесопунктов, лесных поселков. Многие из них расположены вдали от железной дороги.

Вот обыденные, каждодневные факты из жизни этих далеких уголков севера нашей Родины. В поселке сплавщиков Шипицыно (Котласский район) состоялись литературные вечера, посвященные Гоголю и Шевченко, и это вызвало новый приток читателей в местную библиотеку, насчитывающую в своем фонде более пятнадцати тысяч книг. В лесном поселке Коковка (Приозерный район) состоялся шахматно-шашечный турнир. Рабочие Шелековского лесопункта (Плесецкий район) проводят конькобежные соревнования.

Далеко на севере области, за Полярным кругом, находится Ненецкий национальный округ — край оленеводов, охотников, рыбаков. До Октября ненцы не имели письменности, а сейчас в округе 61 школа, около 50 клубов, библиотек, «красных чумов». Из одного только оленеводческого колхоза имени Выучейского 20 юношей и девушек учатся в техникумах и вузах.

Готовится к печати сборник ненецкого фольклора. Много былин и сказаний для этого сборника записано со слов ненецкого художника и сказителя Тыко Вылки. «Президентом Новой земли» называют этого знатного ненца, уже двадцать девятый год бессменно руководящего Новоземельским островным Советом. За эти годы здесь построены и прочно вошли в быт новоземельских рыбаков и охотников семилетняя школа, две больницы, большая библиотека; есть кино, радио.

Культурная жизнь Архангельской области связана с жизнью десятков советских городов. В Ленинградский университет поступил учиться сын оленевода, начальника стада Иван Белугин. Для нового высотного здания Московского университета была заказана картина архангельского художника Д. Ширяева «Долина реки Паденьги». В сокровищницу культуры всей страны вошли былины и повести сказительниц Марфы Крюковой и Маремьяны Голубковой.

Село Ломоносово (родина великого русского ученого) славится мастерами резьбы по кости. Работа холмогорских косторезов П. Черницына и М. Штанга — кубок «Мир—миру» — экспонировалась на республиканской выставке в Москве.

...Тысячи километров, разделяющие Архангельск и Пекин, не мешают дружбе двух коллективов самых маленьких граждан нашей страны и Китайской Народной Республики — детского сада имени 6-го июня в Пекине и детского сада № 26 в Архангельске. В недавно полученном из Пекина письме воспитатели и родители китайских ребят пишут: «Мы приложим все силы, чтобы сохранить мир и защитить детей...»

В письмо был вложен текст китайской детской песенки о голубе мира. Ее уже разучили и поют архангельские ребята.

Э. МАКСИМОВА,
спец. корр. «Литературной газеты»

АРХАНГЕЛЬСК

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ В КОЛХОЗЕ

БОЛЕЕ трех миллионов колхозников и колхозниц занимаются в эти зимние месяцы по вечерам на агро-зоотехнических курсах. Они изучают передовые, самые прогрессивные приемы земледелия и животноводства.

Полученные знания на курсах слушатели применяют в производстве. Сейчас колхозники готовятся к весне: задерживают снег на полях, вывозят удобрения, очищают и сортируют семена, ремонтируют инвентарь.

К преподаванию на курсах привлечены десятки тысяч специалистов сельского хозяйства, научных работников.



Снимок сделан в колхозе имени Орджоникидзе Лозовского района, Харьковской области. Агроном А. Бубырь ведет занятие.

Фото С. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

ИНСТИТУТ „В СЕБЕ“

Путь держим из Херсона на Асканию-Нова.

Днепр пересекаем у Каховки. В пойме, на берегах, мощные земснаряды и экскаваторы расчищают место для плотины Каховского гидроузла. Здесь будет Днепровское море. Отсюда потекут воды Днепра по широким полям юга и напоят влагой сотни тысяч гектаров сухой, жаждущей влаги земли.

Мы на правом берегу. Аскания-Нова — это оазис среди бескрайней ковыльной степи, в шестидесяти пяти километрах от Каховки, как раз в том месте, где пройдет Южно-Украинский канал.

При первом знакомстве с институтом поражаешься богатству природы, работе, проделанной человеком по ее преобразованию.

Вот парк. На семидесяти гектарах раскинулся дремучий лес. В нем до двухсот пород деревьев!

Переходим широкую улицу по середине Аскании-Нова и попадаем в зоологический парк. Методами мичуринской науки люди изменяют природу животных. На нас смиренным взглядом смотрят когда-то дикие антилопы-гну, зебу-яки, бантенги, козероги, архары... В степи виднеются стада оленей и антилоп-канн. Они теперь домашние, ручные.

Парк стал лабораторией по гибридизации и акклиматизации животных. Восстанавливаются исчезающие виды зебры, бизона, зубра.

Неподалеку расположены фермы крупного и мелкого рогатого скота. Вот стало упитанных племенных быков.

— «Жаворонок», — поясняет научный работник, показывая на огромного быка с железным кольцом в ноздрях.— Помесь зебу с красностепной породой. Ему только три года. Весит он восемьсот килограммов, подрастет — перевалит за тысячу! Опыты доказали, что гибриды-производители коренным образом преобразуют домашних животных, делают их более жизнеспособными, резко повышают их продуктивность и мясо-жировые качества.

В стаде элитных коров — замечательные породы, выведенные институтом. Они известны своей молочностью, устойчивостью в различных климатических условиях нашей страны, особенно в южных районах. Здесь немало коров-рекордисток.

Асканийские овцы, выведенные академиком М. Ивановым, гибрид дикого муфлона с домашней овцой — большое достижение советской науки. Важное хозяйственное значение получили асканийский многоплодный и крупноплодный каракули, степная украинская свинья и другие породы.

Когда грузинские колхозники, приехавшие в гости в Асканию-Нова, осматривали овцеферму института, их поразили новые асканийские рекорды. Настриг шерсти барана асканийской породы в минувшем году достиг 29,4 килограмма; длина и качество шерсти — наивысшие; весит асканийский баран 176 килограммов.

— Вот нам бы завести в колхозах таких производителей, — говорили гости.

Такие пожелания здесь можно услышать часто. Но эти пожелания колхозников и работников животноводческих совхозов остаются пожеланиями: институт слабо передает свой богатый опыт. Общеизвестно, что создатель института в Аскании-Нова академик М. Иванов смело внедрял свои достижения в производство. За десять предвоенных лет институт дал колхозам и совхозам более семнадцати тысяч элитных производителей асканийских баранов и много других животных. Институт шел действительно впереди производства.

Но верен ли он этой традиции?

К сожалению, нет. После войны его связи с производством заметно ослабли.

Авторитетная комиссия еще в апреле 1950 года признала высокие качества многоплодных каракулей, но институт и Министерство сельского хозяйства СССР не сделали и попытки внедрить достижения в производство. Одиннадцать тысяч голов этой породы на институтской ферме развиваются «в себе», как любят здесь говорить.

Скороспелые породы асканийских овец тоже развиваются только «в себе». А ведь к концу пятой пятилетки поголовье тонкорунных овец должно значительно возрасти.

Более двадцати лет институт занимается выведением новых пород крупного рогатого скота: гибридов красностепной с шортгорнами и зебу с красностепной. Результаты хорошие, обе новые породы имеют безусловные преимущества перед другими, особенно в районах орошаемого земледелия юга Украины и Туркмении. Но и эти породы нигде, кроме институтской фермы, не увидишь.

Дирекция института (директор Н. Балашов) и Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина равнодушны к изданию трудов Аскании-Нова, к популяризации опыта новаторов, к пропаганде научных достижений. Три года не выходят «Труды института». В колхозах, совхозах, племрассадниках вы не найдете ни одной полезной для практиков брошюры, изданной институтом за последние годы.

Нет здесь плана производственного внедрения достижений института, оказания методической помощи совхозам и колхозам.

В тематических планах из года в год повторяются одни и те же темы в формулировках: «будет изучен», «будет освещен», «будет написана»...

Институт плохо перестраивает работу в соответствии с задачами, поставленными пятым пятилетним планом. До сих пор институт не разработал научно обоснованных рационов, режима кормления и доения животных.

Все это привело к отрыву института от производства, от решения насущных практических задач повышения продуктивности животноводства в колхозах и совхозах.

Секретарь Ново-Троицкого райкома партии тов. Черин и председатель райисполкома тов. Николенко с горечью говорят об отставании института.

Мыслимо ли терпеть, что в районе, где работает крупнейший в стране институт, средний удой не превышает восьмисот литров от каждой коровы; средний головой настриг шерсти с овцы ограничивается двумя с половиной килограммами?

Прав и тов. Столяров — начальник овцеводческого отдела Крымского областного управления сельского хозяйства.

— Аскания-Нова,— говорит он,— явно недостаточно оказывает помощь Крыму в разведении тонкорунных овец. Обещанных асканийских производителей ждем больше года.

В отчетном докладе XIX съезду партии тов. Маленков указал, что «...несмотря на имеющиеся достижения, сельскохозяйственная наука всё ещё отстает от запросов колхозного и совхозного производства».

Это видно и на примере Всесоюзного научно-исследовательского института гибридизации и акклиматизации животных в Аскании-Нова. Он должен выйти из рамок развития «в себе», должен активно служить интересам народного хозяйства, итти в ногу с жизнью.

Тотырбек ДЖАТИЕВ,
спец. корр. «Литературной газеты»

ФЕЛЬЕТОН

Частник в стане писателей

Заведующий отделом народного образования в Никопольском районе Днепропетровской области тов. Данилецкий — это несомненный и удостоверенный ротозей. Он именно то, что в общежитии называют «шляпа».

Тов. Данилецкому говорят:

— Да как же вы доверились сомнительному человеку? Да как же вы не проявили элементарной бдительности? Как пустили вы козла в огород, подозрительного человека в средние школы? Как это вы обязали директоров школ выплатить ему гонорар за лекцию из школьных средств, а на деле из своих собственных средств, потому что финансовый контроль справедливо не признает дани заезжим коммерсантам?..

Тов. Данилецкий оправдывается, повидимому, так:

— Действительно, произошла ошибочка, — это верно. Но бдительность я проявлял, документы проверил. Вот: паспорт № 562933 на имя Терского Анатолия Николаевича, прописан в Ленинграде; билет кандидата в члены Ленинградского отделения Союза советских писателей, а также Киевского отделения... Столичный писатель! Часто ли к нам такие заезжают? Можно ли было прошляпить такой случай? А вы говорите: шляпа.

Документы у А. Н. Терского в порядке. Но сам он в непорядке. По званию ему надо было бы писать, а он читает. По месту жительства ему надо бы просвещать юношество в Ленинграде или Киеве, куда он недавно перекочевал, а он бродит по отдаленным районным углам.

А. Н. Терской не страдает болезнью славолюбия. Нет, он не ищет славы и шумной известности. Он даже бежит от славы,— впрочем, она и не гонится за ним. За ним гонится фининспектор, но не поспевает. А. Н. Терской с замечательным проворством скачет из одного района в другой. Только что был в Калининградской области, читал лекции, брал деньги — и юркнул. Смотришь — вынырнул в Днепропетровской области: читал, брал, удрал. Ищи ветра в поле!

Мы ничего не можем сказать о литературной деятельности А. Н. Терского — ни худого, ни хорошего. Ее нет. Говорят, она некогда была. Мы ничего не можем сказать и о лекторской деятельности А. Н. Терского — ни худого, ни хорошего. Она, словно круги на воде, прочных следов не оставляет. Кто же он, А. Н. Терской? Писатель? Нет. Лектор? Сомнительно. Не подлежит сомнению одно: он — коммерсант, частник. Он — современный коробейник. Но о его коробушке никак нельзя пропеть: «Ох, полна, полна...» В ней одна лекция под громким наименованием «Мужество, находчивость, дисциплина». Он торгует этой лекцией оптом и в розницу. В Никополе, например, запродал оптом на десять школ, по 350 рублей за штуку, и весь десяток отбарабанил за три дня. Не успел фининспектор произвести сложение, умножение и вычитание, как сверхскоростной лектор исчез, утопая в сиянии голубого дня.

А. Н. Терской—частник, никакого отношения не имеющий к литературе. Но он торгует «под фирмой» ССП. Он именует себя пространно: член секции детской литературы Ленинградского отделения ССП. Это звучит громко. Это раскрывает перед коробейником двери наших школ.

А. Н. Терской — частник, для которого коллектив только форма торговой рекламы. А. Н. Терской не любит коллектива, боится его, всячески избегает. Поэтому для своих лекторских прогулок он избирает самые отдаленные закоулки. Он прячется в тени от всякого общественного контроля. Как лектор, он должен был бы нести ответственность перед Обществом распространения политических и научных знаний или другой такой же организацией. Он должен был бы представлять текст лекции на просмотр, на рецензию. Но он не состоит членом такого общества. Он кандидат в члены Союза советских писателей, а союз не контролирует всю лекторскую деятельность своих членов. А. Н. Терской — сам по себе. Его частнособственническая, мелкобуржуазная натура не выносит общественной ответственности. Он ни перед кем не отчитывается, и никто от него отчета не требует.

Вот это и заслуживает наибольшего внимания в истории торговой деятельности «кандидата в члены». Наш народ с большим уважением относится к почетной профессии писателя. Быть членом Союза советских писателей — это высокая честь. Ее надо хранить, оберегать. Писательский коллектив несет ответственность за каждого своего члена, каждый писатель несет ответственность за свой коллектив. Ответственность перед коллективом— это тягостная обязанность только для частников. Она стесняет свободу их торгового оборота. Для советского писателя ответственность перед своим союзом — это неотъемлемая часть сознания своего общественного долга. Это не только обязанность, а и право, которое не всякому дано, которое надо заслужить честной работой.

Мы с полным основанием называем ротозеем тов. Данилецкого, заведующего РОНО в Никопольском районе. Он спасовал перед званием «кандидата» и не обнаружил критического чутья, хотя от коробейника за версту несет ароматами частной лавки и базара. Но как же прикажете относиться к поведению секретаря Ленинградского отделения ССП тов. Чивилихина, который терпел под своим надзором частника, давая ему возможность развертывать торговые операции? Тов. Чивилихин, конечно, не знал... А мог знать! Сигналы о коммерческих операциях Терского доходили до Ленинградского отделения. Об этих сигналах узнал и Терской. Он проявил бо́льшую подвижность, чем тов. Чивилихин, и использовал свой богатый опыт по состязаниям на скорость с фининспекторами. Он мгновенно свернул свой ларек в Ленинграде и снова открыл его в Киеве. А Ленинградское отделение услужливо оформило его перевод из одного отделения в другое.

Один ли такой предприимчивый частник, давно потерявший всякую связь с литературой, действует «под фирмой» ССП в отдаленных районах нашего Отечества? Один ли он компрометирует наш Союз писателей? Вот прочитал он во многих школах свою лекцию о «Мужестве, находчивости и дисциплине», прочитал детям, прочитал, как советский писатель. А ведь ясно, что А. Н. Терской в своей жизни и в своей торговле смешивает мужество с наглостью, находчивость с изворотливостью, а дисциплину... Впрочем, где уж Терскому рассуждать о дисциплине!

Звание советского писателя — это не пожизненный почетный титул. Это и не фирменная этикетка. Право на это звание дается только честной литературной работой. А кто не работает, пусть уйдет! Если не уходит, надо вычистить. Не должно быть в советском писательском доме ни одного засоренного, захламленного, непроветренного уголка!

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ОБ ОДНОМ НЕИЗЖИТОМ КОНФЛИКТЕ»

Так была озаглавлена статья Н. Геминова, опубликованная в «Литературной газете» 2 декабря 1952 года. В статье приводились примеры грубого нарушения строителями Куйбышевской области санитарных норм при сдаче в эксплуатацию жилых домов.

В связи с этим редакция получила письмо начальника Куйбышевского территориального строительного управления Главнефтезаводстроя тов. Миронова. Он сообщает, что действительно дома в кварталах 39 и 39-а города Новокуйбышевска и в одном из поселков заселены до подключения их к канализационной сети.

Тов. Миронов пишет, что вопрос этот разбирался у заместителя министра нефтяной промышленности СССР тов. Сафразьяна, и в результате принятых мер, говорится в письме, в последних числах декабря указанные недостатки будут исправлены. Однако, как показала проверка, до сих пор обещания тов. Миронова остаются невыполненными. Зачем же было вводить читателей газеты в заблуждение? Да еще ссылаться при этом на авторитет заместителя министра...

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КАЛЕНДАРЬ С НАГРУЗКОЙ

Советские читатели с большим уважением относятся к работникам книжной торговли. Среди них много культурных людей, умеющих порекомендовать покупателю книгу.

Однако есть еще книжные магазины, где за прилавком стоят работники, формально относящиеся к своему делу

Некоторые книготорговые работники весьма своеобразно понимают борьбу за выполнение финансового плана. Они применяют недопустимые методы торговли, обязывая покупателей принудительно брать в качестве «нагрузки» залежавшуюся продукцию.

Недавно в подмосковном городе Подольске продавали отрывные календари на 1953 год. Из магазина Книготорга вынесли на улицу корзину с календарями без картонок, прикрепляемых к стене.

Воспользовавшись отсутствием картонок, работники Подольского книготорга в качестве обязательной «нагрузки» к календарям, стали продавать репродукции картин.

Покупатели отказывались от репродукций, резонно ссылаясь на то, что они не предназначались для календарей, что на них нет места для прикрепления календаря. Продавщица была непреклонна: «Не хотите брать картину, не получите календаря».

Календарь нужен каждой семье. Пользоваться этим для принудительной распродажи репродукций — значит грубо нарушать принципы советской торговли.

Мы беседовали с директором Подольского книготорга тов. Березиным. Но он не признал такой «метод» торговли порочным.

Д. ПАНКОВ

ПОДОЛЬСК

Человек у автомата

И. ГОРЕЛИК

Всякому человеку, побывавшему у моря, знакомо чувство восхищения, которое вызывает зрелище набегающих волн. Можно часами наблюдать работу моря, и это никогда не наскучит. Что очаровывает в однообразном движении? Неукротимая сила, с которой волна за волной набегает на берег? Завораживающий ритм, как будто на дне морском незримый механизм управляет стихией?

Пусть не покажется странным, но такое же точно чувство вызывает у человека ритмичная работа автоматических линий. Она состоит из всевозможных механизмов, действующих с удивительным изяществом и расчетом. И как ни однообразны эти повторяющиеся движения, никогда не наскучит наблюдать их так же, как работу моря.

Я стоял в моторном цехе Харьковского тракторного завода в центре автоматической линии для изготовления головок блока мотора. У станков автоматической линии, расположенной в форме подковы, никого не было видно. Лишь вдали прохаживались два оператора.

Только что двинулась обрабатываемая деталь, прошла какое-то расстояние и остановилась так же внезапно. Я следил за ней. Вдруг, никем не управляемая, она повернулась на 180 градусов. Сзади меня что-то щелкнуло, раздался странный звук, как будто кто-то охнул. Я обернулся. На соседнем станке, к зажатой там детали, неожиданно начала приближаться сверлильная головка с выдвинутыми сверлами и стала плавно сверлить отверстия... И снова полная тишина.

Грубая, серая, девяностокилограммовая головка блока, то покорно отдаваясь во власть механизмов, то останавливаясь, то поворачиваясь на бок, то снова приподнимаясь и делая почти полный поворот вокруг своей оси, казалась одушевленной, совершающей осмысленные движения.

Создавалось впечатление, что оператору Владимиру Устименко нечего делать среди этих машин. Он ходил вдоль станков, прислушивался и присматривался к «командоаппарату». Этот специальный электрический прибор фиксирует работу механизмов и отдает «приказы», которые тотчас же выполняет гидроавтоматическая система.

Глядя на эти безотказно действующие механизмы, наблюдая за Устименко и наладчиком Николаем Чаклиди, чувствовавшими себя хозяевами среди сложных, умных машин, я невольно вспомнил то, о чем поведал мне один инженер, несколько лет назад побывавший в Америке.

— На скамейке в вагоне пригородного поезда, — рассказывал он, — сидел рабочий одного из фордовских предприятий. Его социальное положение легко было узнать не только по одежде — синим брезентовым штанам «дангари» с заклепками по швам, но, главным образом, по изможденному, словно испитому, лицу. Он дремал. Время от времени он спохватывался и тревожно озирался. Я обратился к нему с каким-то вопросом. Он встрепенулся и начал уверять меня, что не спал. — Я не спал, мистер, — клялся он, — вот спросите кого хотите!..

И только проникшись доверием, он признался потом, что пуще всего боится агентов фирмы, разъезжающих в поездах и высматривающих, как ведут себя после работы их служащие. Если человек не в силах совладать со сном, если работа выматывает его до крайности, такого рабочего пора сменить. Он уже не пригоден, он не может обеспечить нужной производительности... А полный день однообразной, монотонной работы иссушит мозги и душу самого выносливого человека.

Да, там, за океаном, подневольный труд людей, обслуживающих автоматические линии, совсем не похож на свободный труд советских рабочих, стоящих у автоматов.

Автоматическую линию на капиталистическом предприятии обслуживает часто малоквалифицированный рабочий. Такой рабочий сто́ит недорого. У автоматической машины там нужен и человек-автомат, ро́бот.

...Я следил за спокойными, неторопливыми движениями советского рабочего на автоматической линии, оператора Володи Устименко. В это время ко мне подошел наладчик Николай Чаклиди:

— Любуетесь нашим Володей?.. Смышленый парень! Знаете, он в прошлом месяце выполнил норму на 156 процентов!

— Как? — удивился я. — Разве и на автоматической линии можно перевыполнить нормы? Тут ведь точный ритм, строго рассчитанный цикл...

— Отчего же? — сказал Чаклиди. — Очень просто. Полагается же определенное время на простои, на смену инструмента, ремонт механизмов, непредвиденные задержки. Сумейте сократить время дозволенных простоев, и вот вам перевыполнение плана! Автоматическая линия уважает хорошего человека, а хороший человек — это тот, кто любит автоматическую линию. Вот Володя ее любит и бережет. Уж он проследит, чтоб «гидравлика» была залита маслом, да чтоб масло было требуемого качества, тогда и давление будет постоянно. Каждый станок у него на линии, как зеркало, пылинки не увидишь, блестит!

В обеденный перерыв Володю Устименко окружили молодые рабочие. Он был комсоргом, и в этот день проводил беседу.

Разговор шел о пятой пятилетке. Устименко спросили: «Как это так получается? Продукцию мы должны за пять лет по СССР увеличить на семьдесят процентов, а народу на заводах прибавится всего на пятнадцать?»

— Понятный вопрос, — говорил Устименко. — А вот как! Ты нашу автоматическую линию видел? Вспомни-ка, сколько народу обрабатывало головку блока до того, как отладили линию. Человек шестьдесят! А нынче — восемь. Куда девались пятьдесят два? Да они у нас же, на нашем заводе! Одним словом, механизация — раз, интенсификация—два (он выговорил это слово запинаясь, и даже от досады махнул рукой), автоматизация — три! Вот как сочетаются эти цифры — семьдесят и пятнадцать! Понятно теперь?

Позже я узнал историю жизни Володи, обыкновенную, ничем не выдающуюся. А между тем она вся была полна примет нашего времени.

Отец Володи Устименко был послан партией в числе 25 тысяч коммунистов в деревню, вступившую на колхозный путь. Детство Володи прошло в деревне, где шла суровая классовая борьба.

В годы Отечественной войны окончательно сформировался его характер.

После демобилизации Устименко оказался на Харьковском тракторном заводе. Работать на фрезерном станке его учил опытный фрезеровщик Алексей Михалев. Спустя несколько лет судьба снова свела их на автоматической линии.

Михалев был наладчиком. Он часто наблюдал, как после смены молодой фрезеровщик останавливался возле линии и подолгу следил за ее работой. Это началось еще, когда автоматическую линию впервые монтировали на заводе.

В красном уголке цеха часто демонстрировались технические киносборники. Красный уголок помещался вблизи пролета автоматической линии и всегда был заполнен рабочими. Не было ни одного нового выпуска киножурнала, который бы не посмотрел Володя.

Наконец, фрезеровщик Устименко обратился к цеховому начальству с просьбой перевести его на автоматическую линию. Устименко пошли навстречу, и он стал оператором.

Володя понимал, что автоматическая линия требует от оператора не только опыта, но и творческого отношения, знаний. Он много и жадно читал, прочитанное конспектировал. Несколько раз в неделю Устименко ходил в молодежный клуб Западного поселка ХТЗ на «комсомольские пятницы». Вот уж, поистине, на неделе бывало несколько таких пятниц! Здесь можно было прослушать интересную лекцию о технике, доклад о международном положении. Володя прочитал столько книг, что библиотекарь терялся, когда этот паренек переступал порог читальни: «Что-то он еще себе потребует?»

Работа на автоматической линии не притупляла любознательность молодого рабочего — наоборот, разжигала. Когда на линию приходил электрик Стрельников и развертывал схему устройства электроприборов, Устименко оказывался тут как тут. Вместе со Стрельниковым он «путешествовал» по сложной схеме.

Когда однажды наладчик Михалев ушел в отпуск, оператор Устименко с успехом его заменил. Он теперь знал все «капризы» машин, умел по показаниям приборов пульта управления обнаружить «заболевший» участок, умел его отладить. Он не был ро́ботом при автомате. Автомат был продолжением его рук, хотя он лишь изредка прикасался к нему руками, кстати, руками без мозолей.

— Сколько я этих мозолей набивал прежде, когда мы головку блока обрабатывали на обычных станках! — рассказывал Устименко. — Пока ее, проклятую, подвинешь, подтянешь, зажмешь, потом снимешь... А она весит девяносто килограммов! А теперь? Механическим кронштейном поставил на рольганг, и головка сама пошла! Легко, приятно, а главное, интересно!

Так и было сказано: интересно!

Автоматическая линия на советском заводе не выматывает нервы человека, не опустошает его сердце, наоборот, она делает труд легким и необыкновенно интересным.

Советский рабочий, стоящий у автоматической линии, — это думающий человек. Так, например, электрик Стрельников обратил однажды внимание на то, что сверла, фрезы и развертки на линии вертятся не только при обработке детали, но и когда инструмент ждет подхода новой головки блока. Стрельников ввел в линию такой прибор, который автоматически выключал моторы, когда заканчивалась операция, и снова включал их перед началом новой операции. Это ликвидировало холостую работу моторов.

Другой рабочий — наладчик Рыженков не мог примириться с тем, что отверстия под нарезку резьбы в деталях приходилось смазывать вручную. Он сконструировал прибор, автоматически обрызгивающий эти отверстия маслом.

Чаклиди тоже внес маленькое усовершенствование в конструкцию автоматической линии. Он предложил аварийные кнопки для мгновенной остановки станков перенести с внешней стороны линии на внутреннюю. Благодаря этому прекратились случайные остановки станков, происходившие от того, что кто-нибудь нечаянно задевал локтем аварийные кнопки.

Шаг за шагом рабочие улучшали конструкцию автоматической линии. Она становилась все более производительной. Рабочие своим творчеством дополняли труд конструкторов. Труд рабочих стал легче и вместе с тем еще больше приблизился к труду умственному.

Двадцать шесть лет тому назад, когда Устименко только родился, не было ни автоматических линий, ни самого тракторного завода. Было решение партии коммунистов, слово Сталина: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии».

Сбылись смелые планы партии. И Володя Устименко — живое олицетворение этих сбывшихся планов: двадцатишестилетний оператор сложнейшей автоматической линии, молодежный вожак, кандидат в члены коммунистической партии, рабочий нового типа. Ему подвластны контакторы, реле, сверлильные и фрезерные станки; механизмы, движущиеся ритмично и захватывающие все внимание, подобно прибою волн.

...Устименко ходил вдоль машин, веселый, с озорными глазами, нисколько не похожий на американского рабочего, обессиленно дремавшего на скамейке пригородного поезда и вскакивающего при приближении к нему человека:

— Я не спал, мистер! Поверьте! Спросите, кого хотите!

А. АНАСТАСЬЕВ

МАЯКОВСКИЙ И ТЕАТР

Почти все великие писатели прошлого щедро отдавали силы своего гения драматургии. Этой традиции были верны художники, которые по праву зовутся вождями советской литературы,— Горький и Маяковский.

Недавно появилась книга, посвященная драматургии и театрально-эстетическим взглядам Маяковского,— книга Б. Ростоцкого «Маяковский и театр». В книге этой немало ценного. Б. Ростоцкий рассматривает драматургию поэта, как органическую часть его творчества, он обращается к драматическим произведениям Маяковского не только с точки зрения их темы и идейной направленности, но и их жанровых особенностей, языка, сюжетного строения. В главах, посвященных «Клопу» и «Бане», автор верно, интересно анализирует многие образы произведений. Б. Ростоцкий стремится проследить преемственную связь между сочинениями Гоголя, Щедрина, Сухово-Кобылина и драматургией Маяковского. В книге рассказывается и о работе поэта в области агитационного театра первых лет Октября, в области цирка.

Таковы, в общих словах, достоинства исследования Б. Ростоцкого, и за них читатели будут благодарны автору первой обстоятельной, серьезной работы о драматургии Маяковского. Но в книге есть существенные недостатки, о которых надо говорить в первую очередь, ибо они во многом отражают ошибки в изучении творчества великого поэта и тормозят творческое усвоение драматургической традиции Маяковского.

1. Драматические произведения Маяковского, написанные в советскую эпоху,— «Мистерия-Буфф» и в особенности «Клоп» и «Баня», составляют важную линию в развитии советской драматургии—линию **сатирическую.** Ни один советский драматург не подымался еще до такой высокой степени типизации жизненных явлений в остро-сатирических, преувеличенных до гиперболы образах. И это необычайно ценно в драматургии Маяковского, этому прежде всего следует учиться у великого поэта нашим драматургам.

Последняя глава книги Б. Ростоцкого называется «Театральная традиция Маяковского». Можно было бы думать, что здесь автор со всей ясностью подчеркнет значение сатирической направленности драматургии поэта, покажет, как неправы наши драматические писатели, чуждающиеся этого боевого жанра. Б. Ростоцкий этого не сделал. Многие верные суждения о сатирической силе комедий «Клоп» и «Баня» повисают в воздухе, потому что в своих выводах Б. Ростоцкий проявляет настойчивое желание безгранично расширить традицию Маяковского-драматурга, *лишить* ее жанрового своеобразия.

Б. Ростоцкий пишет: «Было бы глубокой ошибкой закреплять лишь за отдельными драматургами, за отдельными деятелями театра своего рода «монополию» на следование традиции Маяковского». Это, безусловно, верно! В драматургии, равно как и в поэзии, нет и не может быть узкой группы «наследников» и «продолжателей» великого поэта. Творческий опыт Маяковского есть достояние всей советской литературы, и каждый наш поэт, прозаик или драматург учится у Маяковского активному, боевому, беззаветному служению народу; каждый советский писатель, работающий в своем жанре, отличающийся своей творческой индивидуальностью, находит в сокровищнице творчества Маяковского великолепный, вечно живой опыт художественного мастерства.

Это бесспорное положение отнюдь не означает, что в творчестве Маяковского, в частности в его драматургии, нет своеобразных художественных особенностей, творческих приемов, которые могут и должны развиваться в нашей литературе рядом с другими художественными особенностями и приемами. Социалистический реализм предполагает богатство и многообразие жанров, творческих направлений художников. Если мы откажемся от этого, то вся советская литература (как, впрочем, и вся передовая литература прошлого) предстанет перед нами, как литература художественно безликая, жанрово одинаковая. Так, собственно, и получилось у Б. Ростоцкого применительно к драматургии.

Драматургическая традиция Маяковского сведена в книге к изображению борьбы нового со старым. Но ведь вся передовая советская литература на всех этапах ее развития отражала исторический процесс строительства коммунизма, происходящий в борьбе нового со старым. Если мы согласимся с Б. Ростоцким, то надо оставить всякие разговоры о художественной традиции Маяковского или Горького, а говорить лишь об общей идейной направленности советской литературы; мы должны будем также отвергнуть мысль о традиции, скажем, Гоголя или о традиции Толстого в советской литературе, ибо и Гоголь и Толстой, правдиво отражая жизнь, служили делу исторического прогресса.

Отражение борьбы нового со старым в литературе — это понятие многообразное, исторически и художественно конкретное. В книге Б. Ростоцкого оно превратилось в бестелесную формулу, поглотившую и уравнявшую самые различные художественные явления. Автор задает естественный вопрос: в каких драматических произведениях наиболее четко выявилась творческая традиция Маяковского-драматурга? И если еще можно согласиться с ним, что сатирическая традиция Маяковского во многом определяет жанровые особенности комедии А. Корнейчука «Фронт», то лишь недоумение вызывает намерение Б. Ростоцкого ввести в русло этой традиции «Далеко от Сталинграда» А. Сурова. А он так и пишет: «Разве не перекликается с «Баней» и пьеса А. Сурова «Далеко от Сталинграда»? В ней отчетливо видно то новое, что привнесло в конфликт Орлова и Оссредько наше сегодня, но одновременно не маячит ли за самодовольной и самоуверенной фигурой бюрократа-чиновника «при промышленности» Красавина давно знакомая фигура Победоносикова?

Положительный ответ на этот вопрос,— продолжает Б. Ростоцкий,—вовсе не будет упреком автору, так как и здесь дело не в подражании, а в умении остро увидеть в настоящем борьбу нового со старым, ту борьбу, которая была отражена Маяковским в его последнем произведении, предназначенном для театра».

Но ведь с таким же успехом мы можем поставить в русло сатирической традиции Маяковского любое хорошее произведение советской драматургии, расширить эту традицию до бессмыслицы и, по сути дела, притти к выводу, что никакой традиции Маяковского в драматургии... нет. К этому закономерно и приходит Б. Ростоцкий.

«В «Далеко от Сталинграда», — пишет он, — отражена и развита в соответствии с условиями современности одна из центральных тем нашей драматургии — тема борьбы нового со старым в нашем обществе, которая была основой развития острого и напряженного конфликта и в «Бане» В. Маяковского и во «Фронте» А. Корнейчука. Поэтому так ясно выступает связь драматургической традиции названных авторов с «Баней» Маяковского — это единая традиция передовой советской драматургии».

А это неверно. Такое мнение объективно ведет к художественной нивелировке советской драматургии, к стиранию различий между множеством ее жанров и — конкретно — к игнорированию сатирического жанра, родоначальником которого в советской драматургии является Маяковский.

Б. Ростоцкий, видимо, не учитывает, что сатирическая пьеса не только разоблачает отрицательные явления жизни, но разоблачает **особыми,** присущими именно сатирическому жанру художественными средствами и прежде всего средством резкого преувеличения, заострения главной, определяющей то или иное явление черты. Победоносиков — это концентрированное выражение бюрократизма, невежества, чиновничьей чванливости — и эти черты раскрыты Маяковским крупно, броско, определенно, во всем, начиная от фамилии и должности Главначпупса и кончая каждой репликой. Вот Победоносиков узнал о совершенной в его ведомстве растрате:

— Чудовищно! Непостижимо! Кто? Растратчик! Где? У меня! В какое время? В то время, когда я веду мое учреждение к социализму по гениальным стопам Карла Маркса и согласно предписаниям центра...

Один этот короткий сатирический внутренний диалог, весь его лексический состав полностью раскрывают самую суть явления, которое выводится на свет божий и разоблачается в образе Победоносикова. Можно взять любую реплику, и в каждой из них драматург обнажает догола это явление, прибегая подчас к самым невероятным, с точки зрения жизненного правдоподобия, преувеличениям. Победоносиков в течение всей пьесы не произносит ни одного слова, которое не имело бы непосредственного отношения к сатирическому раскрытию типического явления.

Ясно, что обличение косности, делячеcкого эгоизма, бюрократизма в образе Красавина достигается совершенно другими художественными средствами.

Б. Ростоцкий не только не подчеркнул, что главное в драматургической традиции Маяковского — сатирическая направленность, публицистическая заостренность, но, по существу, увел читателя от этой мысли. Он утверждает, что значение опыта Маяковского для роста нашей театральной культуры состоит «прежде всего в самом создании типа новой, советской комедии, в которой обличающее начало не только слито воедино с началом утверждающим, но и подчинено ему».

Это опять-таки общие слова, смысл которых состоит в том, что существует единый тип комедии. На самом же деле комедия вмещает в себя произведения самых различных жанровых оттенков—и героическую, и лирическую, и бытовую комедию, в нее на равных правах входят и сатирическая комедия и водевиль. Что же касается утверждающего начала, то есть идейной ясности драматического произведения, отчетливого идейного вывода о торжестве коммунистической морали в нашем обществе, то это утверждающее начало достигается разными путями и средствами; оно может быть достигнуто и путем раскрытия красоты духовного мира передового человека нашего времени, и путем разоблачения отрицательных явлений, разоблачения настолько сильного, что оно само по себе убеждает читателя и зрителя в торжестве нового. Очень часто эти пути совпадают, но от драматурга, от избранного им жанра зависит, какой путь становится главным.

Вместо того, чтобы призвать советских драматургов к творческой работе в самых различных жанрах, вместо того, чтобы на опыте Маяковского помочь им овладевать искусством сатиры, Б. Ростоцкий утопил существо сатирической традиции драматургии Маяковского в общих рассуждениях о единой традиции советской драматургии, о едином типе комедии, отождествив идейные задачи нашей драматургии с художественными способами решения этих задач.

2. Драматические произведения Маяковского, созданные в советскую эпоху, одухотворены революционной страстью, они заключают в себе яростную сатиру, безошибочно нацеленную против того, что мешает строительству коммунизма. Своим всемогущим словом Маяковский создал удивительные по силе типического обобщения образы, которые навсегда останутся нарицательным обозначением мещанства, бюрократизма, приспособленчества, подхалимства. Клеймя эти пороки, пришедшие из капиталистического прошлого, поэт расчищал пути к будущему.

Сатирические комедии Маяковского сыграли важную роль в борьбе против эстетства на советской сцене, наиболее законченным образцом которого являлось искусство Камерного театра. В пору своего появления комедии «Клоп» и «Баня» активно ратовали за смелое вторжение театра в жизнь, за решение на сцене политических задач и тем самым противостояли аполитичности, еще наблюдавшейся подчас в репертуаре даже наиболее передовых театров страны, таких, как Малый или Художественный.

Но вместе с тем комедии Маяковского не вошли в репертуар реалистических театров, определяющих главную линию развития советского театрального искусства: «Клоп» и «Баня» увидели свет только на сценах театров формалистических.

Почему? Нет никакого сомнения в том, что режиссеры-формалисты, и прежде всего Мейерхольд, стремились использовать драматургию Маяковского в своих целях, в целях борьбы против реализма на сцене.

Захват формалистами драматических произведений Маяковского надолго определил их сценическую судьбу. До сих пор существует мнение, будто такие пьесы, как «Клоп» и даже «Баня», не могут быть сыграны в театрах, стоящих на позиции жизненной правды. Это застарелая ошибка. Достаточно свежими, беспристрастными глазами прочесть эти пьесы, и станет ясно, что в своей основе они реалистичны и что театрам, которым близка сатира, безусловно следует отважиться на постановку сатирических комедий Маяковского.

Отважиться — потому что это нелегко. Великолепно прозвучат сейчас сатирические сцены «Клопа» и «Бани», где острые, преувеличенные образы, созданные Маяковским, будут не только напоминать зрителю о предках нынешних Присыпкиных, Победоносиковых, Баянов и Мезальянсовых, но безошибочно разить отрицательные явления нашей современной жизни. «Красная» свадьба в «Клопе» — разве не жестоко бьет она людей, которые до сих пор несут на себе груз мещанства, пошлости и подхалимства? Многие нынешние бюрократы, чинуши, по ошибке занимающие руководящие кресла, узнают себя в Победоносикове. «Я сяду здесь, за письменным столом, но ты изобрази меня ретроспективно, то есть как будто бы на лошади» — это очень смешно, и смех здесь выступает грозной силой, обличающей чванливую тупость иных руководителей.

Не следует бояться нашим театрам и условности, фееричности, фантастики в комедиях Маяковского. Можно, например, превосходно поставить очень реалистический в своем существе «бенгальский взрыв» в финале «Бани», когда Победоносиков «и вроде» вываливаются из машины времени, несущейся к коммунизму.

В то же время каждый театр, взявшийся за постановку пьесы Маяковского, встретится с немалыми трудностями. Многие понятия того времени просто отжили свой век — таковы, например, представление о языке будущего, как каком-то шифре, «борьба с рукопожатием», «легкая кавалерия» и другие, а всему этому уделено немало места и в «Бане» и в «Клопе». Но дело не только в этом. Трудность постановки комедии Маяковского на сцене определяется, разумеется, и художественными недостатками самих пьес. Не только люди 1979 года в «Клопе», но и такие, скажем, персонажи, как рабочие Двойкин, Тройкин и Фоскин в «Бане», не заключают в себе и малой доли той яркости, сочности, которыми отличаются сатирические образы. Б. Ростоцкий правильно поступает, приводя высказывания Маяковского о недостатках в обрисованных им положительных типах, о стремлении поэта «отказаться от некоторой голой публицистичности»; но автор книги напрасно пишет, правда, с оговорками, об индивидуализации, углубленной характеристике положительных героев «Бани». Лишь в образе Чудакова намечены живые индивидуальные черты и отражены характерные особенности «чудака-изобретателя».

В сатирических комедиях Маяковского есть и другие недостатки, но надо помнить решающее обстоятельство: реалистическая сила, боевая сатира «Клопа» и «Бани» намного перевешивают эти недостатки. Вот почему наши театры должны смело обратиться к комедиям Маяковского.

Говоря о том, почему эти комедии в пору своего появления остались за пределами реалистических театров, следует иметь в виду некоторые ошибки Маяковского в его теоретических суждениях о театре. Об этом ничего не сказал Б. Ростоцкий, полагая, видимо, что, критикуя ошибки Маяковского, он «обидит» его, умалит великое значение творчества лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи.

3. Разделяя неверное мнение некоторых исследователей поэзии Маяковского, Б. Ростоцкий упрощенно ставит в прямую, непосредственную связь участие юного Маяковского в революционной партийной работе и его раннюю поэзию, во многом испытавшую на себе влияние футуризма. Надо думать, именно это ошибочное суждение привело к тому, что Маяковский тринадцатого года, Маяковский — автор своей первой трагедии представляется в книге не только, как поэт, который «выступает от мира простых, угнетенных людей, выступает их представителем — трибуном, защитником и глашатаем», но и как теоретик, придерживающийся реалистических взглядов на искусство актера.

Это неверно. Поэзия раннего Маяковского уже заключала в себе большую социальную тему, отражала бунт поэта против капиталистического строя, но была идейно весьма противоречива. Юношеские произведения Маяковского отличались усложненностью и эстетизмом формы. Что же касается теоретических взглядов Маяковского на искусство, и в частности на театр, то в ту раннюю пору его творчества они заключали в себе очень существенные ошибки формалистического толка. Об этом следует ясно сказать, ибо только тогда можно понять, какой большой и трудный путь прошел Маяковский, какое решающее значение имела для его творчества Великая Октябрьская социалистическая революция.

Б. Ростоцкий предпочел сгладить путь поэта. Явно преувеличив идейное значение юношеской трагедии «Владимир Маяковский», автор описывает ее постановку в театре «Луна-парк» (1913 г.) и замечает: «Мы уже видели, как решительно и глубоко преодолевал Маяковский ложные, враждебные реализму тенденции в своем первом опыте практической деятельности в театре, разрушая и разоблачая каноны условно-эстетического театра».

Но на самом деле спектакль в театре «Луна-парк» был далек от реализма, что, кстати, вполне подтверждается и описанием Б. Ростоцкого. Восставая против буржуазного театра, павшего до символистской мистики и откровенной порнографии, Маяковский в ту пору вовсе не ратовал за возрождение реалистического театрального творчества; его спектакль, который представляется Б. Ростоцкому орудием борьбы с театральным декадансом, на самом деле был в большой мере связан с театральным декадансом. Б. Ростоцкий также произвольно толкует и статьи Маяковского о театре и кино, написанные в те годы. Он утверждает, например, что «Маяковский в своих статьях... не только не провозглашает гибель театра вообще, как особого вида искусства, а, напротив, говорит о его расцвете». Но ведь расцвет театра понимался тогда Маяковским ошибочно — как сведение деятельности «сегодняшнего театра к машинному производству, простому и дешевому». Речь здесь шла о кино.

Растолковывая читателям ранние статьи Маяковского о театре, автор порой просто объявляет черное белым. «Так, например,— пишет Б. Ростоцкий, — он (Маяковский) говорит об особом искусстве актера, «где интонация даже не имеющего определенного значения слова и выдуманные, но свободные в ритме движения человеческого тела выражают величайшие внутренние переживания». Здесь двадцатилетний Маяковский сходится во мнениях с режиссерами эстетско-формалистического театра, и в этом особенно отчетливо сказываются противоречия его тогдашней эстетической позиции. Однако Б. Ростоцкий делает неожиданный вывод: «Не трудно, конечно, — замечает он, — в первой части приведенной формулировки видеть прямые отголоски футуристского формализма, но как характерно и многознаменательно, что здесь же Маяковский утверждает в качестве главного содержания актерского творчества «величайшие внутренние переживания».

Теоретические заблуждения юного поэта, порожденные временем, влиянием буржуазного искусства, автор объявил прогрессивными.

Очень плохо, когда исследователь, в угоду ложно понимаемой объективности, смакует ошибки великого художника. Но плохо и другое: превращение заблуждений великого художника в его правоту. Это плохо потому, что — неправда, и потому, что такая антиисторическая позиция исключает возможность по-настоящему понять творчество и эстетические взгляды художника.

Революция помогла поэту преодолеть серьезные эстетические ошибки. Великий поэт очень ценил драматургию, видел в ней грозное оружие в борьбе за коммунизм и требовал, чтобы театр активно пропагандировал политику коммунистической партии. Очень дорог в суждениях Маяковского о театральном искусстве его страстный призыв врываться в жизнь, не слепо копировать действительность, а брать из нее самые главные явления и в напряженном драматическом действии выявлять их существо.

Ставь прожектора,
чтоб рампа не померкла.
Крути,
чтоб действие
мчало, а не текло.
Театр
не отображающее зеркало,
а —
увеличивающее стекло.

Это определение театра звучит сегодня призывом к яркости, к крупной масштабности, к высокому идейному и художественному накалу нашего театрального искусства.

Маяковский ратовал за богатство и многообразие театрального творчества — и в его жанрах, и в его выразительных средствах,—и это стремление поэта-борца также живо и актуально сегодня. Многим нашим режиссерам, ставшим на неверный путь творческой одинаковости, бесформенности, однообразной «правильности», стоит вспомнить, какую четкую своеобразную форму находил Маяковский в своих драматических произведениях.

Однако, воюя за театр для широких масс, за яркость и доходчивость театральной формы, Маяковский ошибочно противопоставлял такой театр театру психологической правды. «...вместо психологического театра, — говорил он на диспуте о пьесе «Баня»,— мы выставляем зрелищный театр».

Дорожа всем ценным в театрально-эстетической позиции Маяковского, мы должны ясно сказать о тех заблуждениях, которые в этой области были у поэта. Это необходимо для того, чтобы творчески развивать то плодотворное, что было во взглядах Маяковского на театр.

Некоторые наши критики полагают, что те, кто говорит об ошибках Маяковского, не любят творчества великого поэта. Это вредный и пошлый вздор, гимназическое рассуждение о любви. Наоборот, — тот, кто искренне, горячо любит творчество Маяковского, тот признанием ошибочных суждений поэта не бросит тени ни на его великие творения, ни на свою любовь к художнику. А вот тот, кто боится сказать о заблуждениях великого поэта, тот, надо думать, действительно недостаточно уверен в его величии.

Б. Ростоцкий. Маяковский и театр. «Искусство». 1952. Ред. В. Катанян.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

ДЖЕЙМС ЭНДИКОТТ

«...Я начала посещать митинги, на которых выступал Эндикотт. Он помог мне разобраться в том, что происходит в мире. Его убежденность, манера говорить и то, о чем он говорит, произвели на меня огромное впечатление. Я была рада убедиться, что священник моей церкви посвятил свою жизнь борьбе за мир».

Эти слова принадлежат простой канадской женщине, домохозяйке Томас из города Торонто. Они рисуют благородный облик д-ра Джеймса Эндикотта, пламенного борца за мир между народами.

Джеймс Эндикотт родился в 1898 году в Китае. Там прошло его детство. Его отец, миссионер методистской церкви, прожил в этой стране восемнадцать лет. В 1910 году семья вернулась в Канаду. Молодой Эндикотт успешно окончил исторический факультет Торонтского университета. Во время первой мировой войны он был солдатом канадских экспедиционных частей, находившихся в Европе.

Следуя примеру отца, Джеймс Эндикотт в 1925 году отправился в Китай, как миссионер от объединенной церкви Канады, и прожил там двадцать два года. Он хорошо изучил китайский язык. Деятельность Эндикотта, в частности участие в различных благотворительных обществах, завоевала ему широкую популярность в Китае.

Эндикотт уехал из Китая в 1947 году, навсегда оставшись другом китайского народа. Нет, пожалуй, ни одного выступления Эндикотта за последние годы, в котором он не говорил бы об огромных достижениях нового Китая, о великих изменениях в жизни китайского народа. Возвратившись в Канаду, Джеймс Эндикотт заявил на массовом митинге в Торонто, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции: «Не может быть продолжительного мира, пока народы Азии и Африки не освободятся от угнетателей. Они освободятся, несмотря на все могущество Уолл-стрита».

Канадскому парламенту д-р Эндикотт направил меморандум, в котором изложил свою точку зрения на режим Чан Кай-ши. Он предостерегал против финансовой помощи гоминдановцам, которую щедро оказывало канадское правительство. Но правящие круги Канады не приняли во внимание это предупреждение.

Тогда Джеймс Эндикотт обратился к народу. На свои личные средства он объехал многие города страны. Повсюду он выступал с лекциями, призывал протестовать против вооружения гоминдановских банд на деньги канадских налогоплательщиков, предостерегал слушателей, указывая на растущую опасность новой мировой войны.

Именно в эти годы канадские реакционные круги по команде из США начали особенно усердно разжигать военную истерию и вести яростную антисоветскую пропаганду. Они всячески стремились подавить в канадском народе чувство симпатии к советскому народу, освободившему мир от угрозы фашистского порабощения. По приглашению Комитета канадско-советской дружбы в Канаду приехал настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон, чтобы рассказать правду о Советском Союзе. Джонсон и Эндикотт побывали во многих городах центральной и западной частей страны. В каждом городе послушать их речи приходили тысячи людей доброй воли. Тут же на митингах организовывались первые комитеты борьбы за мир.

Президентом Комитета защиты мира города Торонто Джеймс Эндикотт был избран в декабре 1948 года. Несколько месяцев спустя состоялся первый канадский съезд борцов за мир и был создан постоянный руководящий орган — Национальный конгресс сторонников мира. Его председателем стал д-р Эндикотт, который и по сей день является главой этого конгресса. Имя Джеймса Эндикотта теперь хорошо известно и за пределами его родины. Он — участник всемирных конгрессов сторонников мира в Париже и Варшаве, член Всемирного Совета Мира.

Энергично выступая за немедленное заключение Пакта Мира между пятью великими державами, д-р Эндикотт постоянно отмечает исключительное значение этого договора, который явился бы «основой успешного осуществления многочисленных проектов мирного развития и улучшения отношений между всеми странами». Канадские сторонники мира собрали уже сотни тысяч подписей под Обращением о подписании Пакта Мира.

Самое активное участие в борьбе канадского народа за мир принимает Джеймс Эндикотт и как публицист, редактор ряда печатных изданий. На протяжении нескольких лет он издавал прогрессивный бюллетень «Фар истерн леттер», в котором разоблачал агрессивную политику американского, английского и французского империализма в странах Востока, осуждал колониальный режим в Азии и Африке. В своих статьях Эндикотт призывал признать Народный Китай и допустить законных представителей китайского народа в ООН, настаивал на возвращении острова Тайван Китайской Народной Республике, выступал за прекращение колониальных войн и вывод французских войск из Индокитая и английских войск из Малайи. Джеймс Эндикотт — редактор бюллетеня «Спасти мир», издаваемого Канадским конгрессом защиты мира.

По приглашению китайских друзей, в прошлом году д-р Эндикотт вновь побывал в Китае. Убедившись, что американские интервенты ведут преступную бактериологическую войну, распространяют чумных блох и других разносчиков смертоносных бактерий с целью уничтожения мирного населения, он мужественно поднял голос против варварства империалистов США. Эндикотт был первым человеком, который привез на американский континент доказательства того, что захватчики применяют бактериологическое оружие против корейского и китайского народов. Он написал книгу «Я обвиняю», в которой рассказал соотечественникам правду о том, что происходит в Корее и Китае.

Честное и смелое выступление д-ра Эндикотта против американских агрессоров вызвало, естественно, неистовую ярость канадских реакционеров. Они попытались учинить судебную расправу над этим выдающимся борцом за мир. Но ни попытки привлечь его к суду, ни травля со стороны реакционных газет не запугали Джеймса Эндикотта и не заставили его отступить. Канадское правительство было вынуждено отказаться от возбуждения судебного дела против Эндикотта, так как боялось, что из обвиняемого он превратится в грозного обвинителя. Как заявил министр юстиции Гарсон, судебное преследование только создало бы «дополнительную рекламу» Эндикотту и всему движению сторонников мира.

Не легко бороться за мир в Канаде, правящие круги которой во всем следуют приказам Уолл-стрита. «В Северной Америке и особенно в Канаде, — говорит д-р Эндикотт, — трудно рассказать народу о фактах, характеризующих движение за мир. Печать, представляющая крупные деловые круги, не станет публиковать благоприятные сведения о борьбе за мир. Мы лишены всякой возможности выступать в поддержку нашего дела по радио. Школы закрыты для нас так же, как и церкви, за исключением немногих. Власти поносят нас как предателей, хулиганы срывают наши митинги, наши возможности изложить наше дело народу все время уменьшаются». И тем не менее ряды сторонников мира в Канаде крепнут и ширятся.

Весть о присуждении Джеймсу Эндикотту международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» вызвала у канадских сторонников мира новый прилив энергии. Прогрессивная общественность Канады горячо приветствует решение Комитета по международным Сталинским премиям. Газета «Канадиен трибюн» в передовой статье отметила, что присуждение Эндикотту международной Сталинской премии мира «является замечательной данью его неутомимой работе в борьбе за мир и братство между народами. Это — признание растущего в Канаде движения за мир...»

С. ЩЕРБАТЫХ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ТОЛСТОГО

СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ

Алексей Николаевич Толстой... Какая счастливая писательская судьба! Всему миру она говорит о том, кем может стать в нашей стране талантливый художник, если талант его служит народу, делу строительства коммунизма. С какой глубокой искренностью выразил эту мысль сам Алексей Толстой, когда в день своего пятидесятилетия говорил, что если бы не было революции, то в лучшем случае его ожидала участь Потапенко — «серая, бесцветная деятельность дореволюционного среднего писателя».

В советское время Толстой стал не только всенародно признанным и любимым писателем, но и деятелем большого государственного, общественного масштаба. Горячее ощущение своей эпохи, необоримая жажда участия во всех делах народа, желание быть всюду, где кипит труд или идет бой, — вот что заставляло его страстно вмешиваться в жизнь, быть голосом души народной.

Он жил напряженным трудом народного избранника в заботах о благе советских людей, он принимал активное участие в руководстве Союзом советских писателей, в работах Академии наук, как академик; его голос звучал с трибун международных конгрессов в защиту культуры и мира в Париже, в Валенсии, в Мадриде, его видели испанские борцы за свободу и на уличных баррикадах своей столицы и на фронтах Гвадалахары и Карабанчелы.

Трилогия «Хождение по мукам», героическая повесть об обороне Царицына «Хлеб», эпопея о Петре Первом, драматическая дилогия об Иване Грозном, пламенная публицистика — какая замечательная поэтическая летопись истории русского народа!

Без полного духовного слияния с интересами Родины не рождается большое искусство — Толстой это знал, быть может, лучше, чем кто-либо иной из наших писателей старшего поколения. Когда в первые годы Октября он оказался в отрыве от Родины, он, как художник, всем существом своим ощутил, что это несет творческую смерть, обрекает на бесплодие. Его дарование лишилось тогда главного — жизненной силы, исторической перспективы, веры в завтрашний день, в будущее. И жизнерадостный, человеколюбивый талант Алексея Толстого, талант, за которым утвердились эпитеты — земной, веселый, начал проникаться пессимизмом. И когда задумываешься над этим, кажется подчас, что об этом теперь уже не стоит вспоминать, что эти факты стали достоянием историков литературы и монографий.

Нет, стоит! Это многое объясняет в творчестве Алексея Толстого, творчестве живом и любимом народом.

Его герои, с которыми он сжился за годы труда над крупнейшими своими созданиями, — Иван Ильич Телегин, Вадим Петрович Рощин, Катя и Даша Булавины, подхваченные потоком революции, оказались вовлеченными в великую битву народов за социализм. И для писателя и для героев, близких его сердцу, открылась новая ясная перспектива.

И Петр Первый раскрыт им иначе теперь, чем прежде, когда он маячил загадкой в историческом тумане, трагическим гением, одиноким и сгибающимся под тяжестью своей непосильной царственной ноши.

Когда писатель говорит о себе, что он до революции десять лет писал и не знал, для кого он пишет, если он за эти десять лет напечатал четыре тома прозы, а в последующие советские годы — одиннадцать томов наиболее значительных своих произведений, то это значит, что только после Октября он нашел себя, как художник, нашел свою тему, своего читателя. «Сейчас я чувствую живого читателя, который мне нужен, который обогащает меня и которому нужен я», — говорил он.

Любовь к новой, социалистической Родине дала Толстому сознание своей творческой силы, обогатила его мастерство художника. Он писал: «Мы любим нашу родину, потому что это **наша** родина. Человек, *не способный к этому высокому чувству,*— мертвый человек... Мы потому любим нашу родину — СССР, что в ней мы, как птицы в воздухе, — нет предела нашему гордому полету все выше, к солнцу, к счастью».

Родилось новое чувство ответственности писателя перед Родиной и народом, изменилось и само понятие мастерства у Толстого. Если раньше при всей внутренней тяге к реализму в его дореволюционном творчестве давала чувствовать себя пройденная им школа буржуазного эстетизма, тот «наглухо застегнутый, черный сюртук символистов», о котором он говорит в автобиографии, то в советский период его искусство становится подлинно народным. Это помогло ему написать книги, в которых он прославил созидательный гений русского народа, величие революции, бессмертие дела коммунизма.

Теперь Толстой писал уже не для маленького круга избранных, а для миллионов самых взыскательных читателей, людей труда. Отсюда выросла его исключительная требовательность к себе. Ведь Толстой не оставил при переиздании ни одного своего произведения дореволюционных лет без существенной стилистической правки! Он кропотливо работал над своим стилем, стремился придать каждому слову предельную выразительность, каждой фразе — законченность. Образцом труда над поэтическим словом служили для него великие русские классики: «Марать нужно много, чем больше, тем лучше. Писать без помарок нельзя. Это вздор, — не черкают и не марают только графоманы. Человека должно мучить, если он на странице не найдет ни одного места, чтобы зачеркнуть и переправить. Никто так не марал рукописей, как Пушкин или Лев Толстой».

Он почитал совершенством язык, «на котором мыслил Ленин, на котором с математической ясностью и простотой Сталин выражает философию движения истории...»

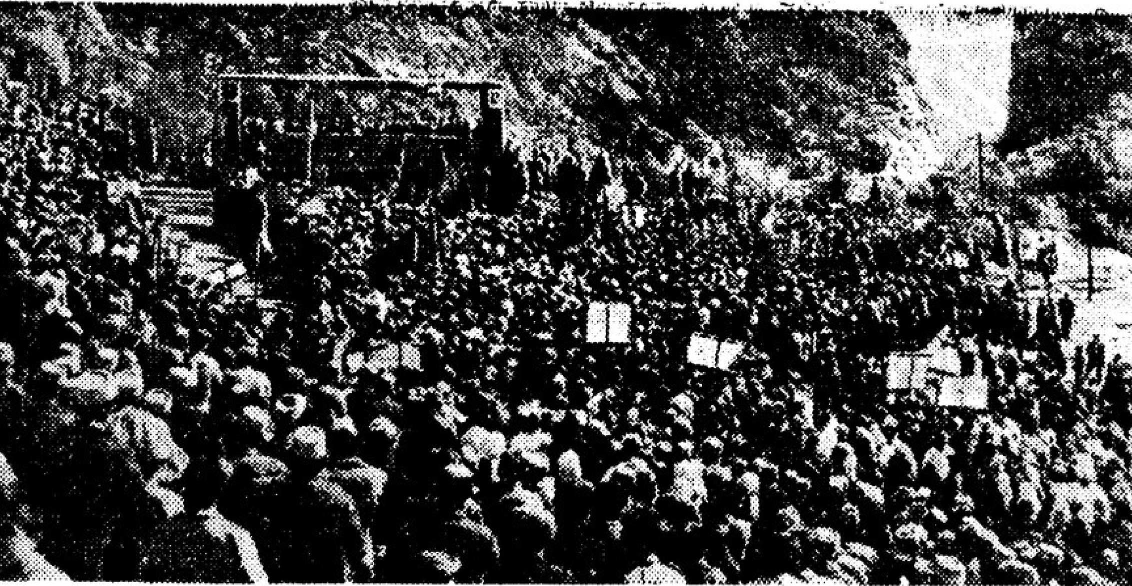
«Язык, — говорил А. Толстой, — орудие мышления. Обращаться с языком коекак — значит и мыслить кое-как».

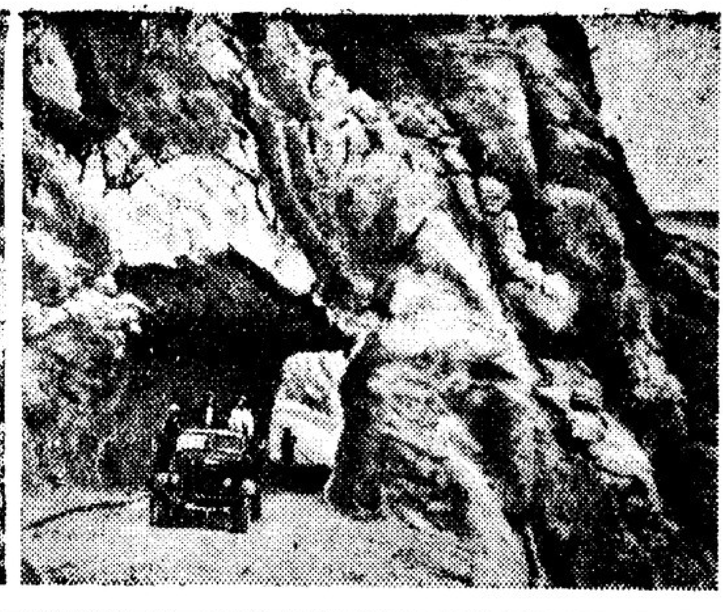
«Пиши честно, ясно, просто, величаво», — так он советовал и так писал сам.

И народ, который честно, просто, величаво строит сегодня прекрасное здание коммунизма, платит своему художнику любовью и признанием.

Ю. АКИМОВ

АЛБАНИЯ НА СТРОЙКЕ





«В день шестой годовщины провозглашения Народной Республики Албании, по инициативе партии и правительства, возглавляемых товарищем Энвером Ходжа и благодаря помощи Советского Союза и великого Сталина, здесь была начата великая стройка первого пятилетнего плана — гидроэлектростанция на реке Мати, положившая начало электрификации страны». Эти слова высечены на белокаменной плите, в центре города Бурель.

Завтра албанский народ отмечает седьмую годовщину республики. Радостный этот праздник пришел, овеянный славой творческого народного труда, освобождающего страну от пут вековой отсталости. Уже почти в восемь раз превзойден довоенный уровень промышленного производства. Республика продолжает двигаться вперед и вперед. И стройка на реке Мати как бы олицетворяет этот порыв.

При входе в узкое ущелье Улза река образует излучину. Именно здесь ляжет на плечи скал плотина, которая остановит воды Мати. Возникнет водохранилище длиною в 12 километров, которое будет питать турбины гидроэлектростанции мощностью в 20 тысяч киловатт. В 1955 году гидроэлектростанция вступит в строй, и тогда, как сказал вождь албанского народа Энвер Ходжа, «Сталинский свет засияет над албанской землей».

Строители приступают к сооружению плотины. Они проложили через дикие скалы и горы, куда не ступала нога человека, дорогу Милот—Улза—Бурель. Путь строительным материалам и механизмам к плотине открыт! Албанский народ назвал этот путь «Дорогой света». На снимке слева запечатлен митинг строителей, посвященный завершению работ по прокладке дороги Милот—Улза—Бурель. На снимке справа — один из участков этой дороги.

Еще недавно отсталая, бедная, почти не обладавшая своей промышленностью, страна имеет ныне современные предприятия по добыче нефти, угля, хрома, меди, бензина, новые заводы и фабрики. Гидроэлектростанция имени В. И. Ленина снабжает электричеством и обеспечивает питьевой водой Тирану и порт Дуррес. В стране открылись первые в ее истории пять высших учебных заведений. Даже в самых отдаленных горных районах дети албанских пастухов сели за школьные парты.

— Такое чудо,— говорит Энвер Ходжа,— когда маленький народ, насчитывающий всего один миллион двести тысяч человек, живет свободным, независимым и строит социализм в таких условиях, в которых находится наша страна, могло произойти только в сталинскую эпоху—в эпоху торжества идей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

СТАЛЬНЫЕ МАГИСТРАЛИ КИТАЯ

В Китайской Народной Республике развертывается широкое железнодорожное строительство. Вслед за новой магистралью Чунцин — Чэнду в строй действующих вступила дорога Тяньшуй—Ланьчжоу, развернулось строительство железнодорожных линий Чэнду — Тяньшуй и Ланьчжоу — Синьцзян.

Синьцзян — богатейший край на северо-западе Китая.

«От Манаса, Урумчи, Тарбагатая (Чугучака) и Хашти в Синьцзяне, — пишет газета «Синьваньжибао», — до Ганьсу и северной Шэньси раскинулась сокровищница, заключающая в себе самые богатые в Китае месторождения нефти... Кроме того, Северо-Запад славится месторождениями каменного угля, железной руды, золота, соли.

Сельское хозяйство Северо-Запада производит 20 процентов выращиваемой в стране пшеницы, 15 процентов хлопка, дает 60 процентов бараньей шерсти, турфанский виноград, дыни Хами и другие сельскохозяйственные продукты».

Отсутствие современных средств транспорта было препятствием в развитии богатого района. Народное правительство устраняет это препятствие.

«Когда новая дорога Ланьчжоу — Синьцзян будет построена, — пишет газета, — Северо-Запад вступит в полосу расцвета, широкого развития промышленности пяти его провинций, в полосу превращения его по примеру советских среднеазиатских республик в важный индустриальный район страны».

Идеологи американского фашизма

С. ЗИВС

Фашизация государственного строя США является непременным условием подготовки новой мировой войны, замышляемой американскими империалистами. Подчиняя себе государственный аппарат, миллиардеры Уолл-стрита вводят в США зверский фашистский режим.

К числу основных функций этого режима, наряду с террористическим подавлением народных масс, относится также всесторонняя пропагандистская обработка американского народа. Поджигатели войны пытаются отравить сознание масс ядом фашистской идеологии.

Разгул фашистского террора в США породил оголтело-циничные расистские и фашистские «теории». После того, как буржуазия выбросила за борт знамя буржуазно-демократических свобод, ученые—прислужники капиталистов—выступают в роли открытых поборников фашизма. По заданию монополистов Уолл-стрита американские социологи, философы, юристы—вся эта свора «ученых» пытается «теоретически» обосновать введение в США фашистского режима.

«Мы должны использовать в качестве оружия идеи», — призывает к идеологическому перевооружению Джон Фостер Даллес. При этом апологеты американского империализма откровенно признают, так сказать, «утилитарный» характер буржуазной общественной «науки». Некий теоретик права Э. Гарлан провозглашает: «Мы сейчас крайне нуждаемся в правовой теории, которая соответствовала бы нашим взглядам и действиям».

Политика фашистского террора, развязанного империалистами, изображается такими «учеными», как исходящая якобы из «естественных наклонностей» человека, и объясняется «незрелостью» народных масс. Автор лженаучного труда «Бегство от свободы» Э. Фромм разглагольствует о «желании человека подчиняться...», а президент американской ассоциации адвокатов Г. Галлахер заявляет, что американский народ «не является достаточно зрелым для того, чтобы могли быть устранены все существующие ограничения его свободы».

Американская буржуазия панически боится политической активности масс. «Если бы сто процентов избирателей участвовало в выборах, — в страхе восклицает некий профессор политических наук Дж. Солтер,—мы, возможно, находились бы на пороге революции». В статье, опубликованной в сборнике «Этические стандарты в общественной жизни», Солтер пытается уверить читателей в том, что политическая пассивность американских граждан вовсе не является следствием их политического бесправия, а всего лишь «естественным состоянием» граждан. Массовый абсентеизм на выборах Солтер объясняет «естественной наклонностью» американских избирателей.

В то же время профессор публичного права Р. Молей разрабатывает гнусную «теорию» господства «избранных». Он заявляет, что управление «политической жизнью должно быть уделом избранных людей».

К этим «теориям», по примеру германских фашистов, американские шарлатаны от науки прибегают в тщетной надежде замаскировать фактическое отстранение широких слоев американского народа от участия в политической жизни США. Политическую активность трудящихся, борьбу за демократию и мир фашиствующие американские философы объявляют «социально патологическим явлением»... «Политический радикализм» масс, то есть борьбу трудящихся за свои права, профессор Калифорнийского университета Э. Лемерт прямо так и называет особым «социально патологическим феноменом».

Фашизация внутренней жизни США, по сути дела, сводит на нет элементарные политические права американских граждан.

Продажные идеологи политического рабства и террора утверждают, что свобода существует только для «избранных», т. е. для тех, у кого имеется капитал. «Конституция,— пишет «заслуженный» профессор Р. Хэйл в «Колумбийском правовом обозрении», — не в состоянии обеспечить полную свободу каждому гражданину». А поскольку свобода недостижима, недостижимо также и равенство между людьми, заявляют «теоретики» американского фашизма, доказывая, что социальное неравенство является «естественным состоянием» людей. «В экономически развитом обществе, — заявляет «экономсоциолог» Л. Фройнд, — не может быть места равенству, а соответственно не может быть безусловной свободы»...

Требуя от народных масс новых жертв в угоду авантюристическим планам уолл-стритовских претендентов на мировое господство, идеологи империалистической агрессии придумали особую «теорию верховенства интересов национальной безопасности» (т. е. агрессивного внешнеполитического курса правящих кругов США) над свободой и правами американских граждан.

Профессор Р. Карр в своем предисловии к сборнику «Гражданские права в Америке», изданному «Американской академией политических и социальных наук», вице-президентом которой является махровый реакционер Герберт Гувер, выдвинул лозунг о приспособлении гражданских свобод к текущим условиям, т. е. к требованиям агрессивной политики, проводимой заправилами Уолл-стрита. Той же точки зрения придерживается видный деятель республиканской партии Симпсон. Он заявлял: «Мы должны продолжать вооружаться в течение поколения для того, чтобы править миром...» А в этих условиях «свобода не может быть сохранена в своем праздничном наряде».

Взгляды Карра и Симпсона — это, так сказать, знамение времени. Ускоренные темпы милитаризации и фашизации Америки порождают и другие «теории» о неизбежности подчинения буржуазной демократии интересам военно-стратегических планов заокеанских атомщиков. На страницах своей книги «Американская демократия и военная мощь» профессор политических (надо бы сказать — поджигательских) «наук» Л. Смит дошел до того, что предлагает рассматривать вопросы «американской демократии» с точки зрения «военного потенциала», необходимого для дальнейшего расширения американских военных границ, охватывающих «нынче весь земной шар». Он требует «подчинения» всех вопросов государственного управления планам войны и агрессии. «Неизбежно напрашивается вывод, — заключает Смит, — что военный фактор должен учитываться при разрешении всех крупных вопросов внутренней политики и планирования и повлечь за собой почти полное обновление обычаев американского государственного управления».

Тщетно изыскивая средства для того, чтобы отвлечь американский народ от борьбы против войны, внушить ему неверие в силы мира и прогресса, уже упоминавшийся выше Р. Карр вместе с профессорами Д. Морисоном, М. Бернштейном, Р. Снайдером без устали твердят, будто борьба американского народа за демократию не может увенчаться успехом на том основании, что «подлинная демократия представляет собой недостижимый идеал». Для обоснования данной «концепции» эти четыре ученых приказчика капитализма даже сочинили пухлую книгу «Американская демократия в теории и на практике». Само название этого «труда» раскрывает намерения апологетов американской долларовой «демократии», крайне озабоченных тем, чтобы каждый читатель усвоил следующее: употребляя слово «демократия», «необходимо делать различие между идеалом и действительностью».

С уолл-стритовского пропагандистского конвейера одно за другим сходят научные «открытия», сводящиеся к тому, что само понятие свободы «устарело», а посему необходимо пересмотреть его содержание и приспособить к нуждам правящих кругов США. Так, анализируя на страницах «Гарвардского правового обозрения» «существенные изменения в области гражданских прав, происшедшие за последние годы в США» и отражающие процесс фашизации и бешеного наступления на жалкие остатки элементарных политических прав, некий Л. Страйкер требует соответствующей переоценки «принципов, на которых зиждется государственное управление США».

Этот мракобес от науки требует замены свободы террором, избиениями и массовым принуждением. С этой целью выдвигается та же «теория» абсолютного права буржуазного государства на «неограниченное насилие». Профессор Чикагского университета И. Саймон, например, проповедует необходимость для граждан подчиниться любым формам принуждения со стороны буржуазного государства, так как его применение, мол, «вытекает из самой сущности государства». Другой такой апостол насилия У. Холлистер весь процесс государственного управления сводит к «обеспечению послушания» граждан. «Управление и искусство послушания» — так озаглавлена его книга о «наилучших» способах «расширения власти» правительства, както: разжигание национальной вражды, организация публичных казней и прочие «церемониалы запугивания».

Реакционные профессора трудятся над наукообразным и шарлатанским «обоснованием» установленной в США фашистской диктатуры. Некий К. Росситер, автор вышедшей в издании Принстонского университета книги «Конституционная диктатура», нагромождает множество доводов, стараясь оправдать необходимость «наделения правительства бо́льшими полномочиями, а граждан меньшими правами».

Подготовка и проведение правящими кругами США террористических мер, направленных против американцев, придерживающихся прогрессивных взглядов, неизменно сопровождаются потугами мракобесов от науки доказать «правомерность» фашистского террора.

Некий Обер, юрист из штата Мэриленд, известный как автор реакционного закона, принятого в этом штате, сформулировал программу фашизации американского законодательства. Этот зарвавшийся поджигатель войны требует, чтобы «законодательство было оценено скорее с точки зрения военного потенциала и национальной безопасности (читай агрессивной политики. — **С. З.**), чем с точки зрения того, существует ли или не существует формальное состояние войны».

«Философия» рабства и насилия, оправдывающая террор и надругательство над правами человека, свидетельствует о том, что реакционная буржуазная наука целиком и полностью встала на службу поджигателей новой мировой войны. Беззастенчиво и нагло американские идеологи фашизма проповедуют отказ от последних остатков буржуазной демократии, делают все для того, чтобы обмануть миллионы американцев, заставить их стать послушными роботами военной машины Уолл-стрита.

Идеологическая отрава, изготовляемая по приказам Уолл-стрита, не в силах, однако, сломить волю народов к борьбе за демократические права, за мир во всем мире. Террор, маскируемый философией насилия, не может сломить сопротивления народных масс авантюристической политике поджигателей войны.

Международная почта

НА ЯЗЫКЕ АМЕРИКАНСКИХ БОССОВ...

Растерянный датский солдат, не понимающий слова команды, торопливо роется в англо-датском словаре и с недоумением переспрашивает офицера: «Что-о?..». Как понять солдату, чего требует от него грозно кричащий датский офицер, если последний изъясняется только... по-английски?

Сценка, изображенная на рисунке, — в известной степени зарисовка с натуры. Этот рисунок датская газета «Информашон» поместила вместе со статьей под названием «Теперь в датской армии говорят по-английски».

Хотя рисунок (хотел того художник или не хотел) явно иронизирует над тем, что в датской армии происходит «внедрение» языка американских боссов, сама газета «Информашон» в восторге от усердия датских военных властей.

«В штабе датской армии все больше и больше говорят по-английски», — радостно сообщает газета. «Сотрудничество в рамках Атлантического пакта порождает необходимость в том, чтобы люди понимали друг друга через границы. Главный язык теперь в ходу не только между датскими офицерами и иностранными советниками. Датские офицеры, разговаривая между собой, тоже широко пользуются английскими словами».



Обратите внимание, с каким подобострастием «Информашон» именует английский язык «главным языком»! Запродав оптом датское пушечное мясо американским поджигателям войны, правители Дании теперь насильственным путем насаждают в армии американские термины и выражения, чтобы датские военнослужащие могли понимать и беспрекословно выполнять приказания своих атлантических хозяев.

АБЕЦ В ТЮРЬМЕ-САНАТОРИИ

Тюремное заключение в капиталистических странах бывает разное. Так, для французского патриота Анри Мартэна, бесстрашного борца за мир, тюрьма — это мрачная темная камера, жестокий режим. Анри Мартэн не получает ни писем, ни газет, ни посылок,— все это запрещено. Французские власти считают, что нет достаточно суровой кары для человека, решительно и громко поднявшего голос в защиту мира, осмелившегося потребовать прекращения колониальной войны во Вьетнаме.

Совсем другое дело—заключение для военного преступника Отто Абеца, находящегося в той же тюрьме, где томится Анри Мартэн. У этого гитлеровского ставленника во Франции, убийцы, руки которого обагрены кровью тысяч французских патриотов, удобная комната, где есть все, что нужно, для полного комфорта. Отто Абец получает свежие газеты, дорогие папиросы, ему разрешена переписка, его осыпают посылками. Он живет в полном довольстве, ему не хватает разве что птичьего молока. В такой «тюрьме», вернее сказать, в санатории, принадлежащем французскому правительству, Абец отдыхает и преспокойно ждет амнистии.

У Абеца, кстати сказать, есть все основания не опасаться, что он ее не получит! Ведь в Национальном собрании Франции последнее время обсуждался законопроект об амнистии предателям-вишистам, сотрудничавшим с гитлеровскими оккупантами. По этому законопроекту они должны быть освобождены и полностью восстановлены в правах гражданства вплоть до выдачи им пособий, возвращения орденов и т. п. Если реабилитируются могильщики Франции, то почему бы французской реакции не порадеть таким испытанным гитлеровцам, как Абец?

Боннская клика в свою очередь с откровенным нетерпением ждет освобождения этого многоопытного и посему ценного для нее «деятеля». Западногерманские правители назначили Абецу довольно крупную ежемесячную «заработную плату» — гонорар за прошлые заслуги... Эти деньги он аккуратно получает без всяких возражений со стороны французских властей. Видимо, и в Бонне и в Париже равно считают, что палач французского народа, усердно выполнявший задания Гитлера, должен быть пожизненно обеспечен.

Такова политика покровительства гитлеровским военным преступникам, диктуемая американскими империалистами.

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Американец Даррел Ларсен, 24 лет от роду, по специальности механик, бывший военнослужащий армии США, совершил проступок, за который, во-первых, подвергся аресту, а во-вторых, был объявлен реакционной печатью «сумасшедшим», «душевнобольным», «опасным фантазером» и даже «предателем, пытавшимся скрыться».

Однако об истинных причинах, побудивших Ларсена совершить шаг, навлекший на него громы и молнии, буржуазная печать благоразумно умолчала. Мы начнем поэтому не с описания «проступка», а с изложения того, что предшествовало ему; мы расскажем о жизненном пути этого простого, честного юноши, каких миллионы в Америке.

Ларсен родился в семье рабочего-машиниста. В 1946 году он окончил школу и был сразу же мобилизован в армию. Его направили в оккупационные войска на остров Окинава (один из Японских островов).

Там-то и начались его сомнения... Толчком послужил разговор с сержантом-филиппинцем, который объяснил Ларсену, почему американский империализм является угрозой для всех народов мира.

«Вот мы на Филиппинах, — сказал сержант, — никак не можем подняться, пока американские дельцы высасывают из нашей земли все наши богатства».

Сильное впечатление произвел на Ларсена вид голодающих японских детей. «Что это за система, — говорил молодой американец, — при которой люди голодают и не имеют возможности использовать для себя богатства своей же собственной земли?»

Кто-то однажды рассказал Ларсену правду о Советском Союзе. И когда юноша вернулся домой, в США, он стал читать все, что мог найти о стране социализма. Самоучкой он изучил русский язык. Из прогрессивной печати Даррел Ларсен узнал, что при социализме человек свободен и счастлив, что он имеет право на труд, отдых, образование. Юноше страстно захотелось жить в таких условиях... Он никогда раньше не интересовался политикой и потому не знал, что правильный путь достижения этой цели — это путь борьбы за экономические и политические права своего народа, за мир, хлеб, подлинную демократию...

В один прекрасный день Даррел Ларсен взял чемодан, положил в него смену белья, две русские грамматики, англо-русский и русско-английский словари и отправился пешком в столицу Соединенных Штатов — Вашингтон, чтобы отказаться от американского гражданства и попросить о предоставлении ему гражданства СССР... Вот это и есть «проступок», за который он был арестован, а затем ошельмован в газетах.

Мы не знаем, какова дальнейшая судьба Даррела Ларсена. Фашиствующие маккарти едва ли простят ему наличие русской грамматики в чемодане!.. Как бы то ни было, история этого юноши, отвергшего пресловутый американский образ жизни, весьма поучительна.

ОККУПАНТЫ БАХВАЛЯТСЯ

Американская оккупация Франции достигла таких масштабов, что янки более не считают нужным отрицать или замалчивать этот факт и говорят о нем открыто и нагло. Американское агентство Ассошиэйтед Пресс недавно сообщило, что на территории Франции сооружается 40 «атлантических» (иными словами, американских) военно-воздушных баз.

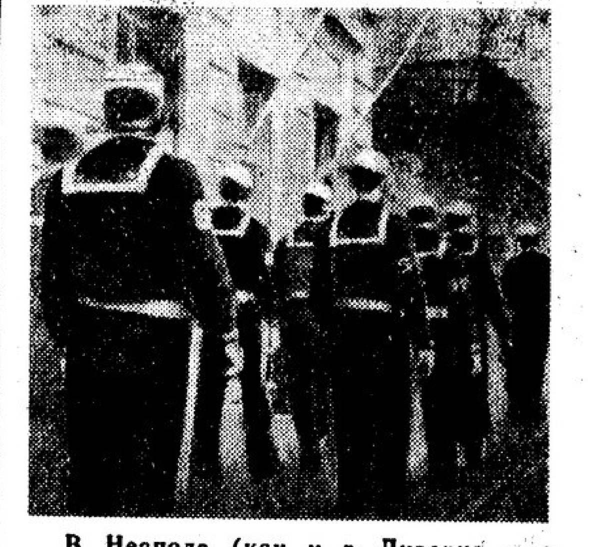
Американская газета «Вашингтон пост» хвастливо писала в конце прошлого года (цитируем по французской газете «Ви увриер»): «Подобно древним римлянам, мы располагаемся во всех частях мира...»

«...В Париже, — продолжала газета, — один лишь персонал американского посольства насчитывает свыше 1.000 человек — в десять раз больше, чем в 1939 году. В это число не входит военный персонал... Это в своем роде новая оккупационная армия... «Малая Америка», созданная таким образом во Франции, по своей численности уступает только американскому гражданскому персоналу в Западной Германии... Аналогичное положение вещей существует также в Лондоне и Токио».

Высказался на эту тему и американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». 26 декабря он поместил статью, в которой назвал Париж «малым Вашингтоном» Европы. Журнал пишет:

«В Париже имеется больше американских официальных лиц, чем в любом другом городе за пределами Соединенных Штатов. 1500 американцев и 1200 французов работают для 17 американских правительственных агентств... Соединенные Штаты представлены в Париже четырьмя послами, тремя посланниками, почти дюжиной нынешних и бывших генералов, несколькими дюжинами полковников, экономистами, дипломатами, солдатами, адвокатами, администраторами, даже агентами Федерального бюро расследований».

Бахвальство американской печати имеет, впрочем, одну положительную сторону: откровенно показано, какой легион американских дармоедов сидит на шее у народов Западной Европы и Азии!



В Неаполе (как и в Ливорно, и в Палермо, и в Бриндизи) американские военные моряки разгуливают по улицам итальянского города, словно хозяева...

Снимок из итальянской газеты «Унита»

Смесь

Страх — оружие монополий. Члена верховного суда США Уильяма Дугласа даже комиссия по расследованию антиамериканской деятельности вряд ли сможет заподозрить в прогрессивных взглядах: он достаточно зарекомендовал себя. Тем больший интерес представляет заявление, сделанное им в прошлом месяце. По сообщению лондонской газеты «Дейли уоркер», Дуглас сказал на собрании в Нью-Йорке, что в США сейчас происходит, «пожалуй, самое интенсивное подавление свободы мнений в истории страны». «В основе подавления, — продолжал он, — лежит не страх перед заключением в тюрьму, а страх перед увольнением с работы, запрещением работать в системе радиовещания или перспектива быть лишенным права преподавать, или читать лекции... Эти меры сильны и чрезвычайно эффективны. Часто они так же чувствительны, как... заключение в тюрьму».

Лучше не скажешь!

Как это объяснить? Раскрываем датскую газету «Юландс постен» и читаем: на учениях датской армии в городе Нестведе при испытании новой дымовой бомбы отравились и положены в госпиталь семь солдат. Чем же они отравились, дымом? Нет. Оказывается, «дымовая бомба» начинена... фосгеном. «Несчастный случай в Нестведе, — пишет газета «Ланд ог фольк», — дает основания спросить, кто производит в стране эти бомбы и не создаются ли другие типы «дымовых бомб», начиненных отравляющими веществами?»

В самом деле, как объяснить, что в Дании создаются запасы подобного оружия, которое не решился применить даже Гитлер? Не находится ли этот позорный факт в связи с членством страны в Атлантическом союзе?

«Законы устанавливаю я». Жесточайшая эксплуатация рабочих и полный произвол предпринимателей царят на текстильных предприятиях Бразилии. На фабрике «Компанна индустриал фиасао и теселажем камписта» в городе Кампос работницам, по словам бразильской газеты «Импренса популар», запрещено выходить замуж: не выполняющие этого требования немедленно увольняются. Текстильная фабрика «Фиасао ампаро лимитадо» в муниципалитете Ампаро представляет собой, как пишет «Газета синдикал», настоящий концентрационный лагерь. Здесь грубо попираются все законы. «На моей фабрике законы устанавливаю я», — заявляет владелец предприятия и за малейший протест выбрасывает рабочих на улицу.

Жилище бездомного. На одной из улиц города Питсбурга (США) полицейский заметил, что из трещины в асфальтовой мостовой пробивается дым. Выяснилось, что под мостовой существует пещера и дым идет от разложенного в ней костра. Эту пещеру вырыл бездомный 68-летний старик: он укрывался здесь от непогоды в течение последних семи лет.

Новости с далекого острова

ВАЙКУНТХАВАСАН,
редактор цейлонской газеты «Пиплс войс»

Остров Цейлон принадлежит к числу стран, которые в условиях нынешней международной обстановки привлекают к себе особое внимание. Это объясняется военно-стратегическим значением Цейлона в Юго-Восточной Азии.

Его восточный порт Тринкомали — одна из лучших гаваней в этом районе земного шара. И хотя Цейлон именуют доминионом и «равноправным партнером Британского содружества наций», цейлонское правительство, по условиям «оборонительного соглашения» с Англией, передало порт в полное распоряжение англичан. США и Франция тоже пользуются базами на Цейлоне для военных действий против других стран.

По сообщению печати, одно из секретных решений, принятых на недавней конференции в Гонолулу, предусматривает превращение острова в базу снабжения американских вооруженных сил в Юго-Восточной Азии. Все это показывает, что империалисты намерены сделать Цейлон своим «нетонущим авианосцем» и базой для замышляемой ими агрессии.

Известно, что прямым результатом политики подготовки к войне явилось нарушение нормальных торговых связей между государствами. Наоборот, поддержание взаимовыгодных торговых отношений могло бы содействовать укреплению мира.

Цейлон торгует, главным образом, с Англией и Соединенными Штатами. Как колониальная страна, Цейлон экспортирует сырье и в обмен получает от империалистических держав промышленные товары. Но даже и эта торговля, которая лишь способствовала закреплению за Цейлоном положения колониальной, зависимой страны, сильно пострадала в результате военных приготовлений. Западные державы, однако, не в состоянии снабжать нас продовольствием или даже тем незначительным количеством оборудования, которое необходимо для претворения в жизнь их собственных широко рекламировавшихся планов «развития отсталых стран». В то же время цены, которые они платят за товары нашего экспорта, все время снижаются по сравнению с ценами за товары, которые они поставляют нам.

Так, например, США закупают наибольшую часть нашего каучука. В последнее время они использовали свое положение монопольного покупателя и соглашались приобретать каучук только по низким ценам. В результате, если в декабре 1950 года Цейлон продал США каучука на 29,4 миллиона рупий, то к сентябрю 1951 года лишь на 2,5 миллиона рупий. Это, естественно, очень неблагоприятно отразилось на нашей экономике, ибо основной доход государства извлекается из экспорта чая, каучука и кокосовых орехов.

Вследствие «холодной войны» нам, например, препятствовали торговать с народным Китаем, который хочет покупать цейлонские товары и продавать нам то, в чем мы нуждаемся. Все же под нажимом масс оказалось возможным продать каучук этой стране. Китай в прошлом году сделался нашим крупнейшим покупателем каучука. Это предотвратило полный крах. Мы убедились, что существует новый рынок для сбыта каучука и что он ничуть не менее выгодный, чем прежний.

То же самое можно сказать и о ввозе необходимого Цейлону продовольствия. Цейлон имеет каучук для продажи Китаю, в Китае есть рис, который может быть предложен Цейлону. Что было бы более естественным и выгодным для обеих сторон, нежели обмен этими товарами? — этот вопрос задавал народ. И, наконец, народ победил. Правительство Цейлона в октябре 1952 года подписало в Пекине торговое соглашение: Цейлон будет получать рис из Китая, а Китай — каучук с острова Цейлона.

Договор этот надо рассматривать, как наиболее важное событие в новейшей истории Цейлона. Он, несомненно, предоставит огромные возможности для сплочения сил мира. Совершенно определенно, что это соглашение, заключенное, несмотря на отчаянное сопротивление американцев и их местных приспешников, приведет не только к росту торговых связей между Китаем и Цейлоном, но и к расширению связей в области культуры и борьбы за мир.

Цейлонско-китайское торговое соглашение чрезвычайно обострило американо-английское соперничество на Цейлоне. В правительственных кругах существовали весьма серьезные разногласия по вопросу о договоре. Ряд министров высказался за соглашение, другие, поддерживаемые американским посольством, были настроены чрезвычайно оппозиционно по отношению к торговому договору с народным Китаем. Мнения столичной прессы по этому вопросу разошлись. Газеты стали открыто нападать друг на друга... И тот факт, что в подобной обстановке заключенный договор уже ратифицирован, свидетельствует об укреплении сил мира в нашей стране.

Как делегат Цейлона на историческом Венском Конгрессе народов в защиту мира, я был безгранично восхищен этой могучей демонстрацией за прочный мир и дружбу между народами.

Мы, участники движения за мир, полностью сознаем, что подлинная политическая и экономическая свобода в нашей стране возможна только в условиях мира. Я глубоко убежден, что Венский Конгресс помог всем народам, в том числе народу Цейлона, усилить борьбу за незамедлительное спасение мира.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00805.